

МАРИЯ
ВЫСОЦКАЯ

Прытсок
В БЕЗДНУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Законы безумия

Мария Высоцкая
Прыжок в бездну

«Автор»

2019

Высоцкая М.

Прыжок в бездну / М. Высоцкая — «Автор», 2019 — (Законы безумия)

Когда твой дом-хлев под снос, отец давно превратился в отброса, а цель твоей жизни - выбраться из болота, ты пойдёшь на многое. Обчистить тачку богатенького мальчика? Легко! Быть пойманной на месте преступления? Никаких проблем! Спасённой его лучшим другом? Прекрасно! Влюбиться в своего спасителя? А вот с этим сложнее. Но иногда жизнь преподносит сюрпризы, ведь чтобы постичь любовь, необходимо рискнуть и совершить прыжок в бездну. Там темно, страшно. Но тьма обязательно рассеется, стоит в ней появиться тому, кто способен разжечь огонь, избавить от страхов, согреть своим сердцем. Однотомник. Цикл: Законы безумия. Содержит нецензурную брань.

© Высоцкая М., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть 1. Глава1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мария Высоцкая

Прыжок в бездну

Часть 1. Глава1

Ник.

– Здорово, чувак, ты уже в Москве?

– Ага, домой еду.

– Какой домой?

– А есть предложения?

– Кидай шмот и подскакивай ко мне в бар.

– Да я не спал чёрт знает сколько. Двенадцать часов в самолете, плюсуй пересадки.

– Хватит ныть, приезжай, говорю!

– Жорин, отвали.

– Слушай, если не приедешь, я соберу всех и нагряну к тебе, раскачаем хатку.

– Ладно, – смотрю на время, – через час буду. Тачку только заберу с паркинга и чемодан дома оставляю.

– Ну всё. Жду.

– На созвоне.

Двенадцатичасовой перелёт с двумя пересадками – это настоящий ад. Не люблю летать на такие расстояния, но данный полёт стал вынужденной мерой. При других обстоятельствах я бы отделался только перелётом в Англию, но тот, к кому я должен был лететь, внезапно свалил за океан, перенося нашу встречу. Когда последний год делаешь всё возможное, чтобы заполучить этот контракт, полетишь на переговоры хоть в другую вселенную. Как итог, контракт у меня в кармане.

Надеваю наушники, вытягивая ноги. Таксист что-то говорит, но мне не до этого, я хочу вырубиться, лучше на пару суток. Отец, конечно, предлагал прислать за мной машину, но я решил, что доберусь сам. Останусь сегодня у себя на квартире, а завтра к вечеру поеду за город на семейный ужин. Мама пустит слезу и скажет, что я о них забыл со своими гонками, Тейка вынесет мозг, а ба, я уверен, скажет их не слушать.

Короче, семейная идиллия. И это не сарказм. Я люблю свою семью, она у меня замечательная, в этом плане мне, как никому другому, повезло с родственниками. Только вот фамилия, отцовская фамилия, не позволяющая мне вздохнуть в этой стране полной грудью. Для многих я золотой ребёнок, ни на что не способный сам. И это бесит. Точнее бесило, раньше.

Слухи обо мне шли впереди меня, и тут ещё нужно было постараться, чтобы стать личностью, а не тенью своих предков. Поэтому я и впахиваю как проклятый, лишь бы доказать всем, что я сам чего-то стою.

Что в учебе, что в спорте. А мама говорила, что, если я пойду в спорт, легко не будет. И не важно, какой его вид я выберу. Так и случилось. Меня везде сравнивали с отцом, пытались в чём-то уличить. Когда твой отец в прошлом чемпион мира по боям без правил, то, как ни крути, это накладывает определённый отпечаток, как и то, что у твоей семьи куча бабла.

Но это в прошлом. Последние пару лет всё круто изменилось, а после моего визита в США всё изменится окончательно.

Дома бросаю сумку у двери, переодеваюсь и, взяв ключи от тачки, еду к пацанам. Дорога и пустынные улицы располагают, чтобы втопить по газам, что я и делаю. Совсем немного. Уверен, через пару дней мне придёт дюжина штрафов, но это ли сейчас важно?

В баре не протолкнуться, честно, уже отвык от этих сборищ, а как только в родной город попадаешь, так сразу, как в омут с головой, ныряешь в эти тусы.

На охране спрашиваю, где Ден, и меня любезно провожают на второй этаж. Жорин с очередной девахой, уже без рубашки, останавливаюсь в дверях, подпирая косяк плечом.

– Ну здорово!

– Никитос, – скидывает девку, – ты знаешь, что это за человек? – смеётся ей в лицо. – Иди давай, давай, – поднимается, застёгивая ширинку. – Рад тебя видеть, – пожимает руку, – выпьешь?

– Не. Вырубит.

– Всё, проехали. Может, девчонку нарисуем тебе?

– Я смотрю, ты жизнь прожигаешь, – сажусь в кресло.

– Отцовские гены. Мамка так каждый мой бодун говорит.

– Воды принесите, – прошу появившегося официанта.

– Ты надолго?

– Пока не знаю. Месяц, может, больше, может, меньше.

– Гульнё-о-ом.

– Да ты и без меня неплохо справляешься.

– Обижаешь.

– Тебя обидишь.

У Жоры я зависаю ненадолго. Так, часа два. Выхожу на парковку, а там картина маслом. Бэха этого придурка с открытыми дверьми, подхожу ближе, понимая, что он всё-таки там. Только не один.

– Я малолетка, отпусти, придурок! – громкий визг закладывает уши.

Чё за хрень? Эта пьянь вообще ни черта сейчас не соображает. Подхожу ближе, замечая орущую девку. Клиника. Деня прибьёт эту идиотку.

Кашляю, обозначая своё присутствие, Ден сразу отстраняется. Правильно, по роже получить не желает, давно усвоил, что со мной не стоит шутить.

– Ник, да эта сучка тачку мою обчистить хотела.

Пока он орёт, смотрю на девку. Смазливая. Он вышвыривает её из тачки на землю и продолжает орать. Подбешивает уже. Девчонка не встаёт, сидит опустив голову. Не обчистила, и ладно. Да и не велика потеря, если б она у него телефон спёрла.

– Забей, не убудет от тебя. Поехали.

– Ты чё? Она у меня весь бардачок вычистила. Шалава. Охренели в край. Убью тварь!

– Протрезвей сначала, – упираюсь ладонью в его грудь, слегка отпружинивая назад. – Какого вообще тачку нараспашку оставил?

– Поссать ходил.

– Поссал? Ладно, вали домой, завтра тачку заберёшь.

– А с этой чего?

– А с этой я сам. Ключи отдай.

Выпроваживаю Жорина, замечая, что всё это время она смотрит на меня исподлобья. Изучает, щурится, злится. Щёки уже как у хомяка, лопнет сейчас. Она поднимает голову как раз в тот момент, когда я поворачиваюсь, в упор смотря в её лицо. Девчонка тушует, вижу, как она слегка отодвигается назад.

– Вставай.

Протягиваю ей руку, замечая её взгляд, она меня боится. Виду не показывает, но глазки бегают. Боится, что сдам, или что в лесочке прикопаю, как Деня порывался? Судя по курточке с нашивкой бара, она явно здесь работает. А Жорин, походу, даже не допёр, что это его сотрудница.

Она сидит, не шевелится. Статуя, блин.

– Вставай, говорю. Мобильник верни и бабло, что взяла.

Наконец до неё доходит, и она поднимается на свои ножки, с яростью кидая Денискино барахло на землю. Не, малая, такое не прокатит. Я пока на самом деле по-хорошему, не хочется включать козла, но она с каждой минутой напрашивается именно на это.

– Подавись.

Серьёзно? Охренела там совсем, что ли?!

– Подняла всё и отдала как люди. Я пока по-нормальному прошу.

Выпендривается, но в итоге делает, как говорю, трёт лицо рукавом и наклоняется, собирая вещички в свои ладошки, не весь мозг ещё отбило.

– Молодец.

Забираю всё это и кидаю в тачку. Девчонка явно хочет свалить, глазки бегают, губки поджимает, но на жалость не давит. Ведёт себя смело. Глупо, конечно, но смело.

– Молодец, малая. Как зовут?

– Не твоё дело.

– Чего дерзкая такая?

Её выпады смешат. Забавный экземпляр, с моей вечно строящей из себя недотрогу Леркой не сравнить однозначно.

– Отвали от меня.

Делает шаг в сторону, и я на рефлексх хватаю её за рукав куртки. Ага, щас, накосяпирила и бежать.

– Не трогай меня, я малолетка. Тебя посадят.

– Смотри, как бы тебя не посадили за такие фокусы, – отпускаю.

Ещё раз внимательно её осматриваю, понимая, что врёт, как дышит. Малолетка она. Коза ты, а не малолетка. Но красивая, если переодеть и причесать, то бомбовая девчонка.

– Так как зовут? – поднимаю её куртку, которая валяется на земле после Жориного толчка.

– Диана, – опускает глазки.

– Никита.

Ди

– Садись, Викторова, снова двойка, – Сашенька закатывает глаза, смотря на меня, как на пустое место.

Ну да. В алгебре я не шарю.

Да и не Соловьева я, конечно, мой батя на ремонт школы по двадцать тысяч не сдаёт. И Александре Михайловне подарочки на Восьмое марта не дарит. Цветочки там всякие, конвертики. Мой батя дай бог вообще вспомнит, что у него дочь есть, не то что какие-то ремонты и собрания.

Сажусь за парту, пытливо смотря в окно. На деревьях распускаются листочки, светит солнышко, а мне здесь сидеть приходится, с этими заучками. Нет, у нас нормальный класс. Вполне себе. Вован нормальный, Макс, Семён, да вообще все пацаны, кроме Кузнецова. Кузнецов у нас – директорский сыночек, да к тому же стукач. А вот девчонки – набитые дуры. С ними даже поговорить не о чем, тупые сплетницы. Как сороки, всё про всех собирают. А про меня в первую очередь, я же от них отличаюсь. Да и к тому же, несмотря на все мои древние шмотки, я в этом серпентарии самая смазливая. Красивая, то есть. Я это знаю, они это знают, вот и бесятся. Всё пытаются уколоть, придраться, но не успокаиваются. Хотя это даже забавно, как такая, как я, может быть симпатичнее нашей принцесски Соловьевой? Беда беды.

Жаль, конечно, что опять двойка, как на той картине, блин, и ведь эта сучка даже исправить не даст. Пошлёт куда подальше, и всё. Или скажет, чтоб отец пришёл, а он не придёт. Ему

вообще фиолетово, где я и что... у него свои заботы, где бутылку найти. Он же все инвалидские пропивает, и пенсию по смерти мамы тоже... короче, непруха полная.

Так и живём.

После школы захожу в магазин, надо купить поесть. Жрать охота, живот с утра ещё ноет. Батя вчера со своими дружками подчистую всё выгреб, а к Янке я так и не попала, этот придурок меня дома запер, хорошо хоть вернулся ночью, иначе так бы и сидела в этой вонючей конуре. Нашу старую квартиру, где мы жили ещё с мамой, он пропил. Два года как. К нам просто пришли и попросили съехать. Всучили конуру, типа размен. Да, конечно... размен.

Один из этих дяденек ножичком угрожал, просил ментам не сообщать, а то, если стукаем, хуже будет. Нам соответственно. Вот и живём, как бомжи. Стыдно. У всех дом там, еда, вода. А у нас... даже горячая не идёт. В ведрах греть приходится. Чтобы голову помыть, ставишь утром чайник и полощешься, как енот, в тазике. Какие тут шмотки и сплетни, мне бы просто до совершеннолетия дотянуть, и я от этого козла свалю. Он мне всю жизнь испортил, пьянь.

Уеду из этой поганой Москвы, куда-нибудь в провинцию. В небольшой городок, сниму квартиру, на работу устраюсь и буду жить. Заочно поступлю в институт, и никто меня больше из прежних знакомых в жизни не увидит.

Мечтать, конечно, хорошо, но, чтобы свалить, после школы приходится впахивать. И полы мыть, и посуду, тут, в соседнем районе, бар один есть, популярный, так вот мамка моей подружки меня туда и устроила, она там уборщицей работает. Неофициально, но платят нормально. Стрёмно, конечно, за этими уродами тарелки мыть, а потом комнаты, випки, где они трах*ются и долбятся, отмывать, но деньги, как говорится, не пахнут.

Мне бы эти полгода протянуть – и свобода. Школу закончу, восемнадцатый год разменяю, и всё, прощай, батя, прощай, Москва. Только в последнее время приходится нычки всё изощрённее придумывать, этот старый козёл прознал, что у меня деньги водиться стали, так постоянно все мои шмотки вверх дном переворачивает, на бутылку ищет, скотина.

Складываю в корзинку продукты и по-тихому прячу под куртку шоколадку. На кассе расплачиваюсь и ухожу домой. Я так часто делаю. А что? Если не палят, почему бы не воспользоваться ситуацией?

В подъезде, как всегда, воняет гнилью и дохлыми крысами. Задерживаю дыхание и поднимаюсь на этаж. Мы живём на втором. Всего в этой лачуге три этажа и два подъезда. Вообще, дом уже должен попасть под снос, но властям, видимо, не до этого. Вот и живём все как в хлеву, все друг друга знаем, всё друг о друге слышим, стены как картон, крыша, кстати, как бумага, только весна и оттепель – заливаает по всему стояку. У нас даже угол один в комнате чёрный, плесневеет.

Хорошо, что там батя спит, хотя все эти испарения по всей квартире разносит.

Открываю дверь, понимая, что замок опять выломан, причём с мясом. Прекрасно просто, заходи кто хочешь. Этот валяется в углу на старом бушлате. Это единственное, что у него до сих пор осталось с прошлой работы. А ведь раньше он был перспективный военный летчик. Давно это было, как-то слишком давно.

Кидаю пакет на кухонный стол и подпираю дверь шваброй. Чтоб хоть ветром не открыло. Быстро жарю картошку, ем и несусь в бар. Я вообще почти каждый день туда хожу, деньги нужны, да и там гораздо лучше, чем в нашей хате.

Стаскиваю куртку, вешая в шкафчик. Пока копошусь, цепляюсь колготками за торчащий из стула гвоздь. Чёрт! Опять зашивать. Ладно, сейчас всё равно переодеваться, поэтому потом. Всё потом.

Стаскиваю шорты, свои драные колготки, свитер, напяливаю на себя чем-то смахивающий на медицинский тёмно-серый костюм и топаю на кухню. Тут, как всегда, жара

и шум. Работа кипит. Время около девяти. Суббота, сегодня будет весело. Надеваю перчатки и, помахав девчонкам-официанткам, принимаюсь за работу. Одна, две, четырнадцать тарелок...

– Девочки, – Люба, официантка, забегают на кухню с восторженными возгласами, – там такая компания пришла, за мой столик сели, такие красавчики все.

Ну, она в своём репертуаре. Другого ожидать не стоило. К трём часам у меня отваливаются все части тела, но смена закончится в пять. Молюсь, чтобы это время прошло быстро.

Часа в четыре выхожу на задний двор покурить. Достая сигарету, укутываясь в рабочую персональскую куртку. Она огромная, размера на три больше меня, зато в ней тепло. Не то что в моей обычной. Она вообще летняя, но я коплю, поэтому пока купить весеннюю – лишняя трата.

Прикуриваю, делая крепкую затяжку. Выдыхаю дымок, усиливающийся на холоде моим дыханием. Повторно выдыхаю дым, перемешанный с паром, и захожу за угол.

Вот это удача. Прямо за углом, в слепой зоне камер, стоит чёрная бэха. Двери открыты. Стоит на аварийке, а вокруг ни души. Только я.

Зажимаю сигарету зубами и медленно иду туда. И правда никого. Аккуратно открываю дверь с другой стороны от водительской и, наклонившись, забираюсь в салон. Телефончик, проводочки какие-то, открываю бардачок, бумажки, бумажки, копаюсь и наконец нахожу нал, тысяч пять. Мог бы и побольше оставить.

Закрываю крышку, запихав телефон в карман. Я упираюсь коленями в сидение, поэтому немного пячусь и спускаю ноги на землю. Всё, пора валить, иначе точно поймают. Резко разворачиваюсь и влетаю в чьё-то тело. Ну как в чьё-то. Это, наверное, владелец тачки. Хозяин жизни.

Жмурюсь и падаю обратно на сидишку.

– Дяденька, не бейте, я всё-всё верну. Я не хотела, – лопочу, всё ещё не открывая глаза. А вот когда открываю, пробирает на смех.

Надо мной нависает парниша, он, конечно, старше. Но ненамного, лет двадцать-двадцать пять ему, в темноте не разберёшь. Ну от этого точно не убудет. Папенькин сынок на дорогой тачке.

– Чё пялишься? – подаюсь вперед в попытке встать, но он толкает меня обратно, сигарета задевает его руку, обжигая, и падает на землю.

Он начинает материться, а потом тянет ко мне свои лапы.

– Отвали, урод! Отвали! – но он не слышит, стаскивает с меня куртку.

Я ору. Отбиваюсь, но эта тварь весит как три меня, поэтому шансов ноль.

– Я малолетка, отпусти, придурок, – визжу, колотя его по всему что придётся.

– Ден, – громкий голос прямо над нами, – ты чё творишь?

Я отталкиваю эту тварь от себя, только сейчас понимая, что он, походу, владелец нашего бара. Вряд ли он меня узнал, он вообще на персонал внимания не обращает. Да и все вопросы тут Элина решает, админка. Этот так, бухать сюда ездит да девок тра*ать.

– Ник, – Жорин наконец отстраняется, – да эта сучка тачку мою обчистить хотела, – хватая меня за шиворот и выкидывает на землю.

Я царапаю кожу об мелкие камешки на декоративно высыпанной дорожке. Волосы падают на лицо, загораживая обзор, быстро убираю их за уши, продолжая сидеть на коленях.

Этот, который Ник, внимательно меня осматривает и отворачивается от своего дружка.

И почему-то вот теперь мне становится по-настоящему страшно. Не тогда, когда Жорин меня чуть не убил, а именно в эту минуту, когда чёрные глаза незнакомца неотрывно вглядываются в моё лицо.

– Вставай, – протягивает руку, – вставай, говорю.

Он повышает голос, и я делаю так, как он просит.

– Мобильник верни и бабло, что взяла.
Быстро вытаскиваю всё из карманов и кидаю на землю.
– Подавись.
Он приподымает бровь.
– Подняла всё и отдала как люди. Я пока по-нормальному прошу.
Вытираю рукавом нос и губы, медленно наклоняясь за этой дрянью. И зачем я сюда полезла? Дура. Какая же я дура!
– Молодец, малая. Как зовут?
– Не твоё дело.
– Чего дерзкая такая? – он смеётся надо мной и смотрит, как на червяка.
Точно как на червяка.
– Отвали от меня, – хочу уйти, но он хватает за руку, дёргая на себя, – не трогай меня, я малолетка. Тебя посадят.
– Смотри, как бы тебя не посадили за такие фокусы, – разжимает пальцы, – так как зовут? – поднимает мою куртку, накидывая мне на плечи.
– Диана, – опускаю глаза.
– Никита.
Вижу только, как он убирает руки в карманы джинсов.
– Можно я пойду уже? Я больше так не буду, – пыхчусь.
– Ты здесь работаешь? – его пальцы касаются вышивки на моей куртке с названием клуба.
– Работаю. Но, видимо, уже нет. Он не понял, но ты же всё расскажешь моему так называемому начальству.
– Посмотрим на твое поведение. Зачем воровала? На наркоту?
– Я не наркоманка, – вспыхиваю.
– Тогда зачем?
– Чтобы пожрать купить.
– Мало платят?
– Не твоё дело, таким, как ты, не понять.
– Да уж куда нам. Переодевайся и выходи. Я тебя здесь подожду.
– Чего?
– Оглохла?
– Нет.
– Так, вали давай, Диана, – усмешка.
Я семеню обратно на кухню. Смена уже закончилась. На меня косо посматривает су-шеф, но ничего не говорит. Даже не заставляет вымыть то, что я тут профилинила за время прогулки.
Быстро переодеваюсь и иду к главному входу. Перебегаю зал по диагонали и вылетаю на улицу. Тут толпа народа, не нажрутсЯ никак.
Спешно перехожу дорогу и замираю. Этот Никита подрезает меня на тачке. Засвечивая фарами. Накрываю лицо ладонями. Это фиаско. Полнейшее. Дверь с моей стороны широко распахивается.
– Медленно бегаешь, я тебя уже заждался. Садись.
– Я никуда с тобой не поеду.
– Запрыгивай, говорю. Сонька Золотая Ручка.
Аккуратно сажусь в машину и со всей дури хлопаю дверью.
– За дверь точно не расплатишься.
– Зато твою гадкую ухмылку сотру.
– Вряд ли.
– Что это за машина? – оглядываю салон, трогая обшивку.
– Астон Мартин.

- Кто?
- Не напрягай извилины.
- Смешно.
- Тебя куда?
- Туда, где твою тачку за две минуты разберут на куски. Уехать не успеешь.
- Остроумно. Но я успею, не переживай. Так куда?
- Слушай, чего тебе надо, а?
- Убедиться, что ты больше никого не обчистишь.
- Наивный.
- Хочешь, я тебе просто так бабла дам, а?
- Ничего мне от тебя не надо. Машину лучше останови.
- А говоришь, ничего...
- Я о материальном.
- Ммм, так что? Денег надо?
- В чём подвох?
- Ни в чём. Я тебе денег, а ты пообещаешь, что больше не будешь воровать.

Он серьёзно? Конечно, Ди, ага. Он над тобой стебётся, не смей вестись. Хотя как вариант можно взять бабки и быстренько свалить, улицы здесь знакомые, спрятаться есть где. Не найдёт. Только оно мне надо? Я сегодня и так приключений себе на одно место вдоволь нашла.

- Слушай, высади меня уже и езжай куда ехал.
- Так я тебя домой вообще-то вёз.
- Вот, мой дом здесь.
- Врёшь.
- Не вру.

У него начинает звонить телефон, и он сразу отвечает. Кстати, по громкой связи. Из динамиков в машине мелодично льётся женский голос.

- Никита, ты уже прилетел?
- Да, мам. Я же отписался.
- Я думала, заедешь.
- Я утром. У себя на квартире останусь.
- Хорошо.
- Папе привет.
- Передам.
- Спокойной ночи. Ложись спать, мам, я ж к вам не поехал, будить не хотел.
- Да я всё равно не сплю, работы выше головы. У нас новый проект, ты же знаешь, нужно

лично отсматривать.

- Знаю. Удачи тогда вам.
- Ты в машине, что ли?
- Я на громкой!
- Никита, сколько раз просила не говорить за рулём.
- Хорошо.
- Откуда едешь?
- Да так, с пацанами посидели.
- Опять Денис гулянья устраивает?!
- Ага.
- Ладно. Не отвлекаю. Будь осторожен.
- Как всегда. Пока, мам.

Женский голос пропадает.

Маменькин сынок, блин. Меня корёжит, а ещё я вспоминаю свою маму. Она была невероятно красивой, доброй, а потом, потом случился этот приступ. Скорая не успела, а уже тогда бухающий отец тупо на всё наплевал. Валялся на диване, убуханный в ноль, и храпел на весь дом. Я тогда всех соседей оббежала, скорую вызвала, сидела рядом с мамой, пока она умирала на моих руках.

Отворачиваюсь, смотря в боковое зеркало. В глазах встают слёзы. Вытираю лицо рукавом куртки, пытаюсь натянуть улыбку.

– Так куда ехать?

И чего он пристал? Раздражает. Диктую ему адрес, в желании побыстрее избавиться от его присутствия, и, пригревшись в тёплом салоне, сама не замечаю, как меня вырубает.

Просыпаюсь, лишь когда кто-то трогает моё плечо. Аккуратно так. Подскакиваю на сидении, больно ударяясь головой о крышу машины.

Тру макушку, смотря на этого... Никиту.

– Приехали, – он сидит, облокачиваясь на руль.

– Спасибо.

– Не за что.

Никита внимательно осматривает двор, освещённый тусклым светом фонаря.

– Ты здесь живёшь?

– Что, нравится домик? – смеюсь, открывая дверь. -Адъёс амигос.

Шлю ему воздушный поцелуй и топаю домой.

В квартире воняет перегаром. Морщусь, кидая куртку на стул в прихожей. Грею чайник и, налив крепкий чёрный, запираюсь у себя в комнате. Чай пью пустой, ни сахара, ни печенюшки не завалялось нигде. А шоколад я захомячила ещё в обед. Переодеваюсь в спортивный костюм и, завернувшись в одеяло, наконец-то ложусь в кровать.

Ненавижу зиму и весеннюю оттепель. Она холодная, а в этой квартире с неясно каким отоплением её чувствуешь по-особенному. Сырость, холод, ветер изо всех щелей. Приходится утепляться и спать в одежде, иначе воспаление лёгких обеспечено.

Закрываю глаза, а мыслями опять и опять возвращаюсь к этому Никите. Ему повезло, у него, видимо, хорошие родители. По крайней мере мама, с которой он говорил, даже через телефон создала о себе очень приятное впечатление. Она явно любит своего сына, переживает...

Глава 2

Ник

Отправляю её в клуб и, конечно, иду ждать к центральному входу. Слить же решит, сто процентов, так оно и выходит. Подрезаю у остановки, вежливо приглашая в машину.

Девчонка тушует, боится, огрызается. Всё очень предсказуемо, более чем.

На хрена я это делаю? Не знаю, может, просто жалко стало. Я не идиот и прекрасно понимаю, что она не наркоманка и не на бухло деньги тырила. Плохо, конечно, воровать плохо, но иногда бывают ситуации – выживай как хочешь. Вот она и выживает. Дерзкая, по крайней мере, хочет казаться именно такой. Наученная жизнью.

Одежда старая, но чистенькая, колготки рваные на коленке, будто за что-то зацепилась, но не смотря на это барахло она выглядит миленькой. Что на лицо, то очень даже красивой. Лет девятнадцать ей. Только вот во взгляде и ни намёка на какую-то юношескую непосредственность, там вызов вперемешку со страхом. Дерзость и боль. Очень много боли и отчаяния. Не от хорошей жизни она всё это делает.

Явно родокам не нужна, или нет их вообще, а халупа, куда я её в итоге привожу, именуемая её домом, тому прямое доказательство.

Несколько стоящих рядом трёхэтажек с ветхими крышами, отломанным козырьком над одним из двух подъездов, клумбами из шин и лавками с облупленной краской. Рамы старые, деревянные, некрашенные, либо краска слезла от дождей и снега. И тут реально живут люди? Честно, подобное я вижу впервые. Много чего слышал, но своими глазами такого не видел ещё ни разу.

Тут находится противно, не то что жить...

Ещё пару минут стою под окнами, а потом уезжаю.

Может быть, стоило её оттуда забрать, помочь? Только чем? Ну увезу я её? А дальше? Она мне никто, как и я ей. Содержать незнакомую девчонку? Оно мне нужно?.. Звучит, конечно, кощунственно, но по факту так и есть.

На квартиру уже не еду. Сразу к родителям в Раздоры, такая неплохая деревушка на Рублёвском шоссе в пяти километрах от МКАДа, место, где я вырос. Мама только рада будет. Пока еду, всё никак не могу отделаться от этих жутких мыслей... о том доме... После таких картинок начинаешь задумываться о большем, чем о своём успехе и желании кому-то что-то доказать.

Я вот всю жизнь чего-то хочу добиться, но у меня есть для этого хорошая, устойчивая почва под ногами. Условия... а у неё нет ничего.

Загоняю тачку в гараж, поднимаясь в дом. Все ещё спят. Прохожу на кухню и делаю себе кофе. Восемь утра, ну у меня есть пару часов, чтобы отоспаться.

Я сплю до обеда, ровно до тех пор, пока в комнату не заходит сестра. Приподымаю голову, всё ещё сонными глазами смотря на Тейку.

– Чего тебе, нечисть?

– И я тебя ужасно рада видеть, – залезает на кровать, начиная меня тормозить.

– Тея, дай поспать.

– Ник, там все уже тебя заждались, в предвкушении новостей с утра бегают. Просыпайся.

– А сколько времени?

– Четыре.

– Сколько?

– Ага, – заваливается рядом, рассматривая свой маникюр.

– Чёт меня накрыло. А ты чего здесь тусуешь? Я думала, ты улетила к своему суженому.

– Нет.

Сказано это таким тоном, что, походу, нашему канадскому другу очень и очень не повезёт.

– Ладно.

– Даже не спросишь почему?

– А надо?

– Было бы не плохо.

– Ну, ты же на пять часов рассказ растянешь.

– Вот такой у меня брат, любящий, всегда сестру поддержит.

– Не нуди. На час раньше бы разбудила, вообще бы обматерил.

– Это да, это ты можешь. Мелочь пузатая.

– Ха-ха.

– Так что? Подписали?

Переворачиваюсь на спину, закидывая руки за голову.

– Ну? Никита, блин.

– Подписали.

– То есть ты теперь в команде «Мерседес»?

– Ага.

– Ну я тебя поздравляю. Дай обниму.

– Ой, давай без этого.

– Представляешь мамину реакцию? Может, зря ей не сказали?

– Ты разве не знаешь маму? Если ей такие вещи заранее сообщать, она до момента подписания тебе весь мозг съест. Хотя сейчас тоже не легче. Она будет рыдать, что со мной теперь что-нибудь случится.

– Причём громко так рыдать, показательно. Чтобы папа получше слышал, что это он виноват в твоей помешанности на спорте.

– Ага. А потом пойдёт бабушке звонить, с повторными жалобами.

– Короче, папе я сегодня желаю терпения. Потому что если у нас кто и виноват, то виноват всегда кто? Папа!

– Бесспорно, – ухмыляюсь, поднимаясь с кровати, – футболку мне найди в шкафу, умоюсь пока пойду.

– Я тебе не горничная.

– А могла бы и прибраться.

– Фу, ты хам!

– Я знаю. Футболку тащи.

Пока я чищу зубы, Тейка стоит в дверном проёме ванной, чавкая жвачкой. Бесит эта её привычка, она это знает и специально на нервы действует.

– Ник, вот скажи, почему вы все такие пришибленные?

– Я, блин, чуть не поперхнулся, аккуратней в выражениях. Кто мы-то?

– Спортсмены, – вздыхает.

– Чего у вас опять?

– Чемпионат!

– И?

– Что «и»? Он только и делает, что об играх думает своих. Сколько так ещё будет продолжаться?!

– Ты сама знала, кто он и кто ты. И какая ты.

– То есть я виновата?

Пожимаю плечами.

– Спасибо, ты настоящий брат. Как тебя Лерка терпит?

– Обожествляя, – ржу, вытирая рожу полотенцем.

– Так и знала, что она втайне тебе поклоняется.

– А то. У нас есть маленький алтарь.

– Пошли вниз уже. Божество.

– Пошли, – натягиваю футболку по дороге в гостиную.

Мама сидит ко мне спиной, ярко жестикулирует и что-то очень тихо говорит отцу. Он, стоящий к нам лицом, широко улыбается, заметив нас с сетрой.

– Доброе утро!

– И тебе того же, пап, – зеваю, идя к нему поздороваться.

– Не при маме будет сказано, но говорить надо. Подписал?

– Подписал.

– Что он подписал?

– Контракт.

– Какой контракт?

– С «Мерседесом», – тру шею.

– Что? – поднимается с дивана. – Ты знал? – отцу.

Папа обнимает её за плечи, а Тейка усаживается в кресло, наблюдая за всем этим с интересом.

– Прекрасно, все всё знали!

– Мам, ты бы стала волноваться. Я попросил отца не говорить тебе.

– То есть сообщать вот так, по факту, для вас с отцом норма. Прекрасно просто! Великолепно! – она взмахивает рукой, после чего выбирается из отцовских объятий.

– Герда, это вынужденная мера.

– У тебя всё вынужденная мера.

– Мамулечка, – Тейка, как порхающая бабочка, окутывает маму своими ручками, – мы не хотели тебя волновать раньше времени, мы же тебя любим. Очень-очень.

– И ты всё знала?

Накрываю лицо ладонью.

– Спалиться так тупо надо уметь.

– Ой, отстань, – отмахивается, – ты же не обижаешься на нас?

Мама гордо вытягивает шею.

– Я подумаю. Давайте обедать, или ужинать уже, не знаю.

Мы с Тейкой идём вперёд, оставляя родителей одних. Папа что-то тихо-тихо объясняет маме, а мы заворачиваем за угол.

– Даже вот не говори сейчас ничего, понял?

– Молчу.

Вытаскиваю телефон, видя на экране двадцать пропущенных от Лерки. Блин, забыл про неё. Набираю, замечая, как систер кривит лицо, она так «любит» мою Валери, врагу не пожелаешь, чтоб его ТАК любили.

– Никита, – раздражённый голосок, режет слух.

– Привет, я только проснулся, не слышал, что звонила.

– Будем считать, что я поверила и не знаю, что ты вчера тусил с Жориным.

– Хорошая считалка. Мне нравится.

– Не ёрничай.

– Никогда в жизни.

– Блин, Ник, будь серьёзнее уже. Ты помнишь, что мы сегодня идём на открытие выставки моей подруги?

– Это которая недоактриса?

– Очень смешно. В восемь за мной заезжай.

- Ладно. До вечера.
- Целую и люблю. Я так соскучилась.
- И я.

Ди

Зачем он мне помог? Разве ему есть дело до таких, как я? Станный.

В обед я грею три ведра воды и выливаю их в ванну. Моюсь, натирая тело мочалкой чуть ли не до дыр. Ненавижу эту вонь, мне всегда кажется, что запах нашей квартиры въелся во все мои вещи, кожу.

Наматываю на голову полотенце и, облачившись в спортивный костюм, накидываю куртку на плечи и выхожу в подъезд. Прикуриваю сигарету, вдыхая дым. Через маленькое окошко вижу играющих во дворе детей.

Соседка из квартиры напротив поднимается с пустым ведром, зыряя недовольными глазами.

– Здрасьте!

– Всё уже со своим отцом-алкашом прокурили, – ворчит, застывая напротив меня.

– Чего? Хотите, чтоб выкинула? – усмехаюсь. – Не дождётесь, – делаю затяжку, выдыхая дым в её мерзкую и злую морду.

– Проститутка. Думаешь, не видела, что тебя вчера на машине привезли? Всё, по рукам пошла Дианка? – она смеётся, подхрюкивая.

А мне, мне так и хочется огреть её этим пустым ведром. Сука старая.

– А вы молча завидуйте. Вам такое уже не светит.

– Вот лярва, – шипит и наконец сваливает к себе.

Тушу окурок, возвращаясь домой. После трёх звонит Серёга, местный, с района. Типа крутой. Мы с ним в том году познакомились на Настюхиной днюхе.

– Привет, красотуля, тусить пойдёшь? У Дизеля родоки свалили, хата наша.

– Пойду. Заезжай.

Серёга ездит на старом фольце и очень этим гордится. Хотя в наше время тачка – не роскошь, а необходимость.

Переодеваюсь в джинсы, застёгиваю длинные сапоги, тоже, блин, два года ношу. На ботинчиках, купленных в сентябре, через месяц отлетел каблук, с мясом вылетел, починке не подлежит, сказали. Вот и хожу в этих, но на неделе новые покупать буду, накопила немного, жалко денег, конечно, но эти уже слишком ущербно выглядят, хоть я за ними и ухаживаю.

Надеваю куртку и спускаюсь к Серёгиной тачке.

– Здорово, красотка, – целует своим слюнявым ртом, довольно улыбаясь.

Не то чтоб Серёга мне очень нравился, просто у него можно перекантоваться, пока дома батина орава, да и не пристаёт он ко мне. Это уже плюс. Не хочу я с ним спать и ни с кем другим тоже. Причина, наверное, очень глупая, я девочка взрослая, понимаю, что предохраняться можно, но...

В общем, я боюсь забеременеть. Куда я с ребёнком? У меня ничего нет, отцу я не нужна, лет мне немного, зарплата мизерная, а даже если Серёга на мне женится, то что? Не хочу я так жить, как они. Как мамочка моя, которая вечно бухого батю терпела. Я просто хочу уехать и начать жить заново. Вот там, когда на ноги встану, можно думать об отношениях, семье.

А пока защита защитой, но она же не на сто процентов, а обрекать себя и ребёнка на такое жалкое существование мне совсем не хочется.

Серёга врубает музон, и мы едем через дворы к Дизелю. Там уже знакомая туса. Настёна моя тоже там. С Настей мы дружим со школы, она учится в параллели, но когда-то мы начали

вместе посещать кружок танцев, я год назад бросила это дело, некогда, работа отнимает много времени, да и важнее она для меня.

– Дианка, привет, – обнимает, дыша на меня перегаром.

Я, кстати, не пью. Мне и бати хватает.

– Привет, Насть.

– Будешь? – протягивает бутылку пива.

– Не, – морщусь.

Вокруг всё тот же запах сигарет и алкоголя. Тошно. Выхожу на балкон, присаживаясь на старую стиральную машинку, накрытую покрывалом. Смотрю в окно. Я сюда пошла не потому, что мне тусить охота, нет, просто дома... там отец, сейчас сборище дружков его подтянется. В последний раз, когда я там осталась с ними всеми, один хряк меня чуть не изнасиловал, поэтому больше я туда ни ногой, когда толпа. Лучше поскитаюсь где-нибудь. Жаль, сегодня не моя рабочая смена. Очень жаль...

Настюха с Максом заваливаются на балкон, явно меня не видя. Этот дрищ начинает её раздевать, а у меня срабатывает рвотный позыв. Одна мысль о сексе в любых его проявлениях вызывает отвращение. Может, я фригидная? Не знаю, но мне сразу хочется отсюда убратся, даже если они сейчас свалят. Остаться здесь уже желания нет.

Морщусь, громко кашляя. Они смотрят на меня, мол, уйди, и продолжают заниматься своими делами.

Весело. Иду в комнату, Серёга сидит в обнимку с какой-то бабой, на что мне всё равно. Незаметно для всех выхожу на улицу и иду... не знаю куда. Просто шагаю вперед. Домой раньше часа возвращаться бессмысленно. Время одиннадцать, и как его скоротать?

Шатаюсь по городу, так и оказываюсь на смотровой площадке, перед глазами Воробьёвы горы, Лужники. Я помню, в детстве мы с мамой ходили туда на концерт какой-то очень известной тогда иностранной певицы. Певицу я не помню, но мамино счастливое лицо – до сих пор. Забираюсь на перилину, свешивая ноги в направлении стадиона. Сажу, смотрю, вокруг люди, смех. Воскресенье.

Потом галдёж усиливается, начинаются какие-то весёлые крики, поворачиваю голову, видя несколько иномарок, парней, девок. Они орут, бегают друг за другом, поливают тачки шампанским. От их визга закладывает уши.

Отворачиваюсь, упираясь ладонями в холодный камень, на котором сажу.

– Девочкам на холодном сидеть нельзя, – над самым ухом.

Меня ведёт от неожиданности, и я понимаю, что сейчас слечу туда, вниз.

Страх парализует тело, но, на удивление, я не падаю. Только спустя несколько секунд чувствую, что кто-то держит меня за талию.

Оборачиваюсь, хлопая глазами.

– Привет.

Киваю. Это же он. Этот Никита. Он-то здесь как? Взгляд сам обращается к машинам, и теперь я понимаю, что он, видимо, был с той толпой.

– Ты онемела внезапно?

– Нет, – убираю его руки, – чего тебе надо?

– Поздороваться подошёл.

– Поздоровался? Можешь идти, тебя там ждут.

Киваю по направлению его дружков.

– Никита-а-а-а, – орёт какая-то девка, махая ему рукой, – Ден, верни его на-а-а-м!!!

Продолжает визжать, заливая в себя шампанское, когда этот самый Ден идёт к нам.

– Шелест! Чё ты тут завис?

Жорин подходит к нам и, конечно, сразу меня узнаёт. Что странно, потому что вчера он был в стельку.

– Это же она! – со злобой. – Ты чё здесь делаешь? – в его голосе столько отвращения. – Сучка, – дёргается, видимо, хочет меня ударить или скинуть с перил.

Никита выставляет руку, преграждая путь своему дружку.

– Брат, ты чё? Она же... ты посмотри на неё. Воровка, пошла отсюда.

– Ден, – Никита в упор смотрит на этого клоуна, и тот ретируется.

– Ладно, решай сам. На хрен она тебе сдалась, жалкое зрелище. Змею пригреешь. Она потом тебя какой-нибудь дрянью накачает и обует.

– Я разберусь сам, тебя там ждут, – говорит вкрадчиво, но твёрдо.

Ден делает недовольное лицо и уходит.

– Не обращай внимания. Он нормальный.

– Оно и видно. Мажор придурок.

– Какая искренняя ненависть.

– И ты такой же. Все вы одинаковые. Ты думаешь, я дура и не понимаю? Ты зачем хорошего разыгрываешь? Поржать с друзьями надо мной хотите. Ты на меня как на червяка смотришь, поэтому не поведусь, даже не надейся, – перекидываю ноги на другую сторону и спрыгиваю на землю.

Чего он на меня уставился? Стоит тут такой, весь из себя благодетель, тошно даже.

Натягиваю капюшон и ухожу. Он не останавливает, а когда я немного оборачиваюсь, понимаю, что он тоже уходит. Туда, к своим этим друзьям. Вот и хорошо. Пусть катится, а то приклеился.

Я ещё час блуждаю по городу, слушая музыку в наушниках, и лишь к двенадцати подхожу к своему двору. Выглядываю из-за угла, замечая Серёгину тачку. Ну а этому-то чего?

Расстёгиваю воротник на куртке и иду к ним. Из машины на весь район орёт музыка. Серёга с парочкой своих дружков крутятся рядом, устроив на капоте банкетный стол.

– Конфетка моя, ты чего ушла-то? Хорошо ж сидели, – идёт ко мне.

Шагаю ему навстречу и убираю руки в карманы куртки.

– Проветриться.

– Так не делается, – дёргает змейку на моей куртке на себя, вырывая замок, – прости, – сдавливая пальцами собачку, покачиваясь.

– Ты debil? – толкаю его в грудь. – Придунок, куртку провал.

– Слышь ты, – до боли сжимает моё плечо, – охренела!

– Пусти, совсем допился?

– А что? Сколько можно? Бегаю вокруг тебя тут, а ты всё целку из себя строишь, давай уже расчехляйся.

– Руки от меня убери. Убери, сказала, – ору, но он не реагирует.

Только начинает тащить в темноту, за угол. Там мусорные баки, а дальше небольшая посадка деревьев. Никто даже нас не увидит. Паника и дикий страх. Ору, пытаюсь отбиться, где-то поблизости воеет ментовская сирена, и этот урод, толкнув меня в кусты, бежит к друзьям.

Рёв мотора их машины слышится ещё долго, кажется, что всё то время, что я сижу на улице, на краю клумбы, выбравшись из грязи и шиповника, я слышу этот рёв.

Поднимаюсь в квартиру. Дома тишина. Никого нет, хоть в чём-то повезло. Скидываю сапоги и волочусь в комнату. Меня тошнит. Голова раскалывается, а пальцы подрагивают.

Я испугалась. Я так испугалась. Если бы он действительно это со мной сделал? Не могу даже думать. Нет!

Засыпаю в одежде поверх покрывала. Мне так плохо, до ужаса плохо.

Ник

По-быстрому уложив волосы в беспорядок, нахерачив побольше геля, чтоб не париться, застёгиваю пуговицы на чёрной рубашке, поправляя ремень на джинсах. Сунув телефон в карман, спускаюсь вниз, заглядывая на кухню. Мама как раз там.

– Я уехал, не ждите, у себя останусь.

– Хорошо, – поправляет ворот на моей рубашке, – к Лере?

– Ага.

– Куда едете? Ресторан?

– Выставка.

– Как все серьёзно.

– Не говори. Лучше б в ресторан, хоть поели бы. А то не уверен, что то место, куда мы идём, можно назвать выставкой. Вряд ли её подружка – талант или хотя бы делает что-то годное.

– Как у вас всё сложно.

– Не, мам. У нас всё просто. Ты больше не обижаешься?

– Я ещё раздумываю над этим.

– Не обижайся, – целую в щёку, – слушай, может, мы с тобой завтра на нормальную выставку сходим? Тейку возьмём, давно никуда не выбирались.

– Мой сын приглашает меня на культурное мероприятие? Тогда можно мама выберет театр?

– Мама может выбрать всё, что её душа пожелает.

– У мамы самый лучший сын.

– Не стал бы утверждать на сто процентов, но доля правды присутствует.

– До завтра, милый.

– Созвонимся.

Целую маму и шагаю в гараж. Пристёгиваю ремень безопасности и выезжаю во двор, охрана уже открыла ворота, и мне остаётся только втопить по газам. К Валеронке добираюсь минут за двадцать, она тут недалеко, у родителей гостит. Лерка модель, сотрудничает со многими брендами, мечтая уже наконец стать амбассадором чего-нибудь люксового, но не приглашают. И отчасти я понимаю почему, с таким характером, как у неё, вряд ли кто-то побежит к ней с распростёртыми объятиями. В её случае оптимальный вариант – проплатить, но её батя такое не приемлет, а Лерка от этого ещё больше бесится.

В доме меня сразу встречает Марьяна Алексеевна, Леркина мать, они похожи внешне, обе высокие, статные блондинки. Увидев их вместе, никогда не подумаешь, что это мать и дочь. На лице старшей Польских столько пластики, Франкенштейн обзавидуется.

– Никита, – улыбается, протягивая ко мне руки, – как я тебе рада, Лерочка уже спускается.

– Здравствуйте, Марьяна Алексеевна. Как ваши дела?

– Просто чудесно. Как твои? Лерочка сказала, ты подписал контракт с английской командой?

– Подписал.

– Ну я тебя поздравляю. Может, чай?

– Мы торопимся, – кладу ладонь на перила лестницы, – я её потороплю.

Польских присаживается на диванчик, закидывая ногу на ногу.

Быстро поднимаюсь к Лере, она ещё копается. Стоит посреди комнаты, всматриваясь в кучу тряпок на кровати.

– Ты ещё в трусах?!

– Прости, в самый последний момент Светка написала, и представляешь, Лагунова припёрлась в платье, которое хотела надеть я. Что за наглость?! Она прекрасно знала, в чём я пойду. Теперь вот думаю.

– Может, тогда не пойдём?

– Света обидится.

– Ладно, – заваливаюсь на кровать по другую сторону от её барахла.

– А ты совсем не хочешь, да? – вздыхает, присаживаясь рядом и сжимая в ладонях какую-то юбку.

– Ну, явно не горю желанием.

– Блин, – поджигает губы, – может, ты прав, пошло оно всё...

Лерка колеблется от силы пять секунд и вновь возвращает себе свою уверенность.

– Нет, мы не можем пропустить мероприятие, выход в свет – это важно. Завтра, кстати, идём на премьеру фильма.

– Ага, – складываю руки на груди, прикрывая глаза.

Жаль, она ещё не знает, что завтра мы никуда не идём, точнее идём, но отдельно. Думаю, что скажу я ей об этом позже. Не стоит расстраивать человека, который и так потерпел фиаско в выборе лука. Особенно если человек – истеричная модель.

– Всё, я придумала. Ровно минутка осталась.

Пока она убегает в ванную, ловлю себя на мысли, что от моего прихода в ней ничего не изменилось, во мне, кстати, тоже. Мы словно чужие – ни взгляда, ни поцелуя. Всё тащится на привычке и взаимовыгоде. Второе, кстати, очень расплывчато. Не скажу, что у нас когда-то была бешеная страсть, но и такого тухляка, как последний год, я тоже не припоминаю.

Наконец нарядившись в чёрный строгий костюм на голое тело, Лера крутится вокруг своей оси, демонстрируя одежду.

– Думаю, шикарно, правда?

– Более чем.

– Ты какой-то грустный, – касается ладонью моей груди, – что-то случилось?

– Нормальный, не заморачивайся. Идём?

– Да, – вновь улыбается, едва касаясь губами щеки.

В машине Польских неотрывно занимается телефоном, делает фотки, что-то кому-то пишет, звонит, опять фоткается, со стороны это напоминает обезьяну в клетке. Мы не виделись с ней почти месяц, у неё были съёмки, у меня гонки, потом подписание контракта, но честно, вот сейчас, сидя рядом с ней, я не ощущаю ни привязанности, ни тепла, ни желания, ни черта не ощущаю.

В таком состоянии я нахожусь весь вечер, хочется уйти, но я этого не делаю, она закатит скандал, будет причитать, какая она несчастная, мне этого не нужно. Здесь точно. Все наши ссоры заканчиваются как под копирку. Я козёл, а её обидели.

Убрав руки в карманы джинсов, стою напротив какой-то намалёванной картинки, словно ищу в ней смысл, но смысла там ноль, как и в голове её подруги, которая всё это замутила. На плечо ложится чья-то рука. Жорин. Хоть одно адекватное лицо.

– Ты здесь как? – пожимаю ему руку.

– Да пи*дец, и сбоку бантик. Видишь брюнеточку? – показывает в дальний угол. – Строптивая коза, неделю никак снять её не могу, сопротивляется.

– Какая досада.

– Хоть ты и стебёшь, но прав.

– И как атмосфера?

– Не в высшем обществе будет сказано. Слушай, погонять не хочешь после того, как это всё закончится?

– Можно, – киваю, замечая Лерку.

Она стоит в компании каких-то девок с бокалом шампанского, улыбается, смеётся, очень неестественно, надрывно, словно, словно... сука.

Срываюсь туда, не надо быть спецом, нужно просто её знать и иметь глаза. Хватаю её за руку, отводя в сторону, вглядываясь в мутные зрачки. Угадал. Когда только успела, дура?

– Мой Никита, – тянется ко мне, пытаясь поцеловать, – мой хороший.

Отстраняюсь.

– Нюхала? – до боли сжимаю её локоть.

Лера меняется в лице.

– Не твоё дело, – пытается вырваться и при этом не привлечь внимание.

– Да что ты!

– Отвали, ты мне не муж, никто вообще.

– Правда?

– Да. Я сама буду решать, что мне делать, понял, Шелест? Это моя жизнь!

Она яростно смотрит мне в лицо, её губы расплзаются в гадкой улыбке, от которой начинает тошнить.

– Никто, значит? Ты знаешь, это даже к месту. Своевременно, на этом помашем другу другу ручкой, – отпускаю её.

Польских, не ожидая этого, чуть не падает, вовремя успевая удержаться на ногах. Я предупреждал её уже не раз по поводу кокса, всему должен быть предел.

– И катись, достал! Правильный нашёлся, – орёт мне вслед, уже никого не стесняясь.

Не обращая внимания на её выходки и слова, иду к тачке. Пошло оно всё. Бесит, идиотка обдолбанная. Снюхается и сдохнет.

В машине врубаю музыку, замечая в зеркала пристроившуюся сзади тачку – Ден. Он моргает аварийкой и, обогнав меня, выезжает на шоссе. Еду следом.

Первый раз, когда я поймал Лерку под наркотой полгода назад, я не придавал этому значения. Не то чтобы мне всё равно, просто было не до неё, у меня были заезды, постоянные соревнования, перелёты. Второй раз она обдолбалась месяца два назад, до того, как улетела в Европу по работе, тогда мы с ней говорили на эту тему. Польских тогда, давась слезами, умоляла меня не рубить с плеча, клялась, что подобного больше не повторится.

Не давай людям шанс, они этого не заслуживают.

На смотровой к нам подтягивается ещё пара ребят, не скажу, что Лерка испортила мне настроение своей выходкой, но осадок, конечно, остался. Такой. Когда тебя делают идиотом. Вот я, походу, получился тот самый идиот.

На смотровой Ден почти сразу идёт ко мне.

– Слушай. Я ещё вчера сказать хотел, но думал, не моё дело, не стал лезть. Тебя пока не было, я её не раз нанюханной видел. С агентства её всё тянется, там эта Лада, с которой она тусует, нормально так этим делом «балует».

– Мне всё равно. Это её дело.

– И правильно, – хлопает по спине, – не люблю моделек.

– Ты-то?

– Ну, только если на ночь.

Жорин в своём репертуаре. Пока мы разговариваем, Машка уже успевает открыть бутылку «Моэта», начиная обливаться им Денину новую тачку.

– Бл*, – подпрыгивает туда, – охренела?

– Сам сказал, надо обмыть...

Они пререкаются, смотрю по сторонам. Замечая неподалёку маленькую фигуру, не ясно, какого меня туда несёт, но я почему-то на сто процентов уверен, что знаю, кто это. Подхожу ближе, уже видя, что это она. Сидит смотрит вдаль, скрывая лицо под капюшоном. Встаю за её спиной, немного вытягивая руки. Если я сейчас подам голос, она не свалится вниз? Она меня не замечает или делает вид?

Обозначаю своё присутствие и сразу хватаю её за талию. Слегка притягивая к себе. Бл*дь, реально ни черта не слышит.

Она вздрагивает, медленно поворачиваясь ко мне. Капюшон слетает с её головы, испуганные глаза бегают по моему лицу в поисках понимания, что здесь происходит. Стоит ей слегка прийти в себя, она отстраняется, спрыгивает на землю и становится ещё меньше. Она едва дотягивает до моего плеча. Задирает голову, смотря как на врага.

Несу какой-то бред, ровно до тех пор, пока не появляется Ден, вот кто в секунду может испортить любой кайф. А разве я его испытываю, этот кайф? От неё? Попахивает чистейшим бредом. Она почти сразу убегает, не забывая наглубить.

Отпускаю. Какие-то секунды смотрю ей в спину. После чего возвращаюсь к своим. Только вот всё время, что я иду к ним, меня не покидает ощущение того, что это наша с ней не последняя встреча.

Очень странно, необъяснимо, меня словно к ней что-то подталкивает. Внутренний голос? Не знаю, но она явно вызывает во мне интерес.

Глава 3

В семь трезвонит будильник. Открываю глаза, понимая, что пора в школу. Ненавижу её. Школу.

Кидаю в сумку тетради, парочку учебников и, надев куртку, запахнув ту на груди, иду в эту чёртову обитель знаний.

Захожу в класс с опозданием. Биологичка смотрит на меня как на врага, но пускает. Сажусь за парту, слыша шушуканье и смешки Самойловой. Они с Подольской несколько раз оборачиваются в мою сторону, смотрят на лицо, обувь и опять шепчутся.

Загибаю ноги под стул, открывая тетрадь. Записываю определения, срисовываю схему с доски, а самой так погано. Никогда не обращала внимания на них. Всегда считала себя выше этого... а сейчас? Что со мной произошло? Я просто устала, и мне грустно, одиноко и грустно.

На большой перемене в столовой сижу в самом углу, прячусь, наверное. Погодина садится напротив, кидаю на стол свою сумку. Самойлова приходит следом.

– Викторова, может, уже ботинки новые купишь, а? Стрёмно даже смотреть на тебя.

– Отвали, – делаю глоток чая.

– Ты себя в зеркало вообще видела? На чучело похожа, ещё и свитер этот напялила, мерзость. У папаши-алкаша одолжила? Или мамочкины запасы?

Они хохочут, а у меня срывает планку. Сжимаю стакан в ладони и поднимаюсь на ноги. Всего пара секунд колебаний, и этот чай у неё на голове.

Самойлова орёт на всю столовку, а я несусь в гардероб.

Стащив с вешалки куртку, натягиваю её на плечи и вылетаю на улицу. Завтра меня, наверное, вызовут к директору, отчитают, но это будет завтра.

В висках пульсирует, слышу гул своего сердца. У ворот падаю на асфальт, но быстро поднимаюсь на ноги. Колени жжёт от удара, морщусь и, ускоряя шаг, иду оттуда подальше. Шатаюсь по городу в распахнутой куртке, но минут через двадцать понимаю, что замёрзла. Так замёрзла, что не чувствую пальчиков ног. Сегодня очень плохая погода, ветер, холод, мелкий моросящий дождь.

Почему я? За что всё это мне? Сжимаю зубы, чтобы не плакать. Только соплей своих же мне не хватало. Да и от чего тут реветь? Ничего ужасного не случилось, всё обыденно, просто настроение сейчас такое... ранимое, что ли?!

Запахиваю куртку и, обняв себя руками, иду куда глядят глаза. Мне нужно купить куртку и новую обувь, иначе к концу этого месяца я лягу с каким-нибудь воспалением от постоянной сырости.

Забираюсь в автобус, а когда поднимаюсь домой, слышу дикие вопли. Опять пьянка, не открываю дверь, спускаюсь по ступенькам вниз и не знаю, куда податься.

Денег у меня почти нет, даже кофе не попьёшь, нигде не посидишь. Выгонят же, если ничего не закажу.

Всё, что у меня есть, это школьный общий проездной и немного денег монетками. Заходить в квартиру и брать спрятанные деньги чревато. Эти уроды могут заметить и отнять.

Пораскинув мозгами, еду на Красную площадь и, стараясь не привлекать внимание, захожу в ГУМ.

Тут тепло, да и вообще – красиво. Можно скоротать немного времени.

Рассматриваю в витрине пальто. Шикарное, чёрненькое, с мехом такое. А когда вижу цену, становится дико смешно. Четыреста семь тысяч. Серьёзно? Оно золотое, что ли? Да и меха на нём не так много. Топаю дальше, желудок сводит от ароматного запаха кофе.

Прохожу мимо кофе на вынос и, стащив с волос резинку, убираю её в рюкзак, не смотря вперёд. Чёрт! Врезаюсь в какое-то тело. Поднимаю голову, отскакивая в сторону.

– Принарядиться решила?

Этот взгляд. Как он меня бесит.

– Ты меня преследуешь?

– Я таким же вопросом задаюсь. Куда ни пойду, везде ты.

Смеётся, перекладывая пакеты в одну руку.

Теперь я наконец вижу, как он выглядит. Нормально, не в полумраке и не мельком. Ну что сказать? Симпатичный, не отнимешь. Глаза тёмные, лёгкая щетина обрамляет лицо. На голове хаос из торчащих во все стороны тёмно-русых волос, но это проходит мимо меня. Почему-то моё внимание сосредотачивается на заострённой верхней губе и ямочках на щеках. Когда он улыбается, а он сейчас делает именно это, ямочки становятся видно очень чётко. Это мило, да, это определенно мило, хоть я и не люблю все эти мимимишные нежности.

– Слушай, третий раз встречаемся. Может, уже тогда поедим сходим?

– Мне некогда.

– И что за срочные дела?

– Очень-очень много дел.

– Ну выдели пять минут в своём плотном графике. Пошли уже.

Он нагло хватается меня за руку и куда-то тащит. Возможно, я бы могла сопротивляться, но это будет слишком тупо выглядеть. Я не дикая же. Его лицо всё ещё излучает веселье.

– Куда мы идём? – спрашиваю уже на улице. – Ты поесть предлагал.

– Да. Но здесь не вкусно. Поехали, покажу одно классное место.

Мне всё равно. Ну чего он мне сделает? Хотел бы, сделал бы ещё тогда, вместе со своим дружкой. Не чувствую я от него угрозы. Глупо, наверное, но, когда тебе нужно хоть как-то скоротать время, мозг отключается.

Он кидает все свои пакетики в багажник и открывает мне дверь.

Забираюсь в машину, наблюдая через лобовое стекло, как он обходит её вокруг и усаживается за руль.

Нажимает на кнопку, и тачка заводится.

Я знала, конечно, что так бывает, но в жизни таких штук не видела. Ну и в машинах таких не ездила. Если ту ночь не считать.

– Никита, верно?

Я помню, как его зовут, но почему-то делаю вид, что нет.

– Ага. Ты не замёрзла так по городу бегать?

Смотрит на мою куртку и колготки.

– Закалённая. С детства.

– Я уже понял. Менингит, главное, не схлопочи, так гонять.

– Постараюсь. Так куда мы едем?

– Любопытство – дурной тон.

– Да пофиг.

– Пристегнись лучше.

– Блин. Забыла.

Пристёгиваюсь ремнём безопасности и поудобнее устраиваюсь в этом креслице. Потому что назвать это сидением не поворачивается язык. У меня кровать дома жёстче.

– Приехали.

Мы останавливаемся у какого-то здания, я даже не понимаю до конца, где мы. Никита ждёт, пока я выползу, и пропускает вперёд. Мы идём в пиццерию, огромная вывеска которой красуется прямо перед нами. Шелест открывает мне дверь, и в какой-то момент я чувствую, как его ладонь прикасается к моей спине, всего лишь на секунды. Ровно столько, сколько нужно, чтобы переступить порог.

Мы оказываемся в обычной пиццерии. Честно, я очень боялась, что он привезёт меня куда-нибудь, ну куда он там ходит? А потом обстебёт.

– Чего застыла? Садись.

– Спасибо.

Присаживаюсь на красненький диванчик.

– Что закажем?

Пожимаю плечами. Не скажу, что я хочу есть, а вот от кофе бы не отказалась, но я это не озвучиваю. Он меня сюда привёл, пусть сам и выбирает.

– Есть что-то, что не любишь?

– Да вроде нет.

– Тогда на свой вкус закажу, не против?

– Нет.

Он уходит, а я смотрю в окно. И как я умудрилась здесь оказаться, с ним...

Снимаю куртку, укладывая её на диванчик рядом с собой, а заодно вытаскиваю из рюкзака свой телефон.

Смотрю время и замечаю пропущенный звонок от Яны. Подружка детства, когда-то мы были очень близки, когда была жива мама, да и после её смерти, пока отец не пропил старую квартиру. Теперь мы, конечно, продолжаем общаться, но видимся реже. Расстояние, да и Янка активно готовится к поступлению в вуз. К тому же я не приглашаю её к себе. В этом гадюшнике самой противно, не то что человека привести. Поэтому они с тётей Таней не знают о том, как я теперь живу. Думают, что всё не плохо, ну кроме пьющего отца.

– Я боялся, что сбежишь.

Отрываюсь от экрана телефона. Никита садится напротив, кидая так же, как и я, свою куртку на диван. Телефон аккуратно кладёт на стол.

– Больно надо.

– Весёлая ты, Диана.

Он помнит, как меня зовут.

– Стараюсь. Юмор – наше всё.

– На кого учишься?

– Пока ни на кого.

– Не поступила?

– Школу не закончила.

– В смысле?

– Я учусь в десятом классе. Я же, кажется, говорила, что малолетка, разве нет? – наблюдаю за его реакцией. Это забавно.

Его эмоции очень предсказуемы: удивление, неверие, а после, как по щелчку, ничего. Он словно их выключает. Сглатываю, отворачиваюсь.

– Я думал, так, чтоб трогать побоялись.

– Нет.

– И сколько тебе лет?

– Шестнадцать. А тебе?

Он немного задумывается, я прям вижу, как в его голове бегают мысли.

– Двадцать три, – сжимает стакан колы.

– Всё, еда отменяется. Я могу идти? – привстаю, и он вмиг перехватывает мою ладонь.

Вынуждая сесть обратно не столько этим касанием, но и взглядом. Он словно пригвождает меня к месту.

– Почему? – склоняет голову вбок.

Говорит тихо, и мне становится немного не по себе. А когда мне не по себе, я что делаю? Правильно, несу всякий бред, чтобы встрять ещё больше.

– А вдруг я потом скажу, что ты ко мне приставал? Совращал там?.. – загибаю пальцы.

Он прищуривается и даже будто немного напрягается. А потом начинает ржать.

– Весёлая ты, однозначно.

Вытягиваю шею, по-деловому выглядывая официанта.

– Так, где там наш заказ?

– Несут, – он оборачивается, и я вижу, что нам на самом деле несут поднос с едой.

– Кушай, Никита, не обляпайся.

Беру кусочек пиццы, кусаю, не замечая, как прикрываю глаза. Она восхитительна, на тонком тесте, с огромным количеством сыра. Блаженство.

– Как работа?

И вот надо было всё испортить своим вопросом.

– Нормально. Спасибо, что ничего не рассказал Жорину, иначе бы меня выгнали.

– Пожалуйста. Что, кстати, с курткой?

– Что?

– У тебя молния вырвана.

– А, это так, маленькое недоразумение.

Отмахиваясь, а сама покрываюсь мурашками от одних только воспоминаний о том вечере.

– Ммм.

– Как там, кстати, наш общий друг, тире мой начальник?

– Волнуется. Боится такую хорошую работницу потерять.

– Так и знала, – наигранно задираю нос.

Мы разговариваем ни о чём, так, обычный трёп. С ним весело, по крайней мере, на какое-то время я забываю о той грусти, которая накатила на меня ещё со вчерашнего вечера.

– То есть ты гонщик?

– Пилот.

– А есть разница?

– Для тебя вряд ли.

– Хм, даже...

– Подожди, – берёт со стола звонящий телефон.

Я мельком вижу имя – Лера. Это больно колет, почему? Я успела всем этим проникнуться? Но это же глупо – на что-то надеяться. Да я и не надеюсь, все эти разговоры так и останутся в моей памяти как глупые разговоры.

Он говорит отрывисто, немного грубо и, что странно, остаётся сидеть напротив меня. Не убегает орать на ту, кто звонит, на улицу, да он и не орёт, но то, что разговор ему не приятен, легко читается по интонациям.

– Мы обо всём поговорили. На этом закроем тему, – скидывает вызов и убирает телефон в карман.

– Проблемы?

– Так, мелкое недоразумение.

– Модели одолели? Это бывает, – широко улыбаюсь и не понимаю, почему он резко становится серьёзным.

Что я такого сказала? Ну ляпнула очередной бред. Не конец света же, или конец?

– Бывает. Тебя подвезти?

– Нет, спасибо. Можешь только заплатить за обед, или это уже ужин?

– Полдник, как в яслях.

– Точно, – щёлкаю пальцами, – а доеду я сама.

– Ок, – поднимается, обхлопывая карманы джинсов ладонями, – я тогда поехал. Чуть не забыл, номер свой диктуй.

– Зачем?

Хочется подавиться, или удавиться?

– Надо, диктуй.

– Ладно, так и быть. Уговорил.

Диктую ему свой номер, и он делает звонок.

– Мой запиши. Ни-ки-та.

– Я помню.

– Чтоб наверняка.

– Ага. Хорошего дня, – махаю ему ручкой.

Стоит ему уйти, ко мне сразу же подбегает официант, и физиономия у него не очень радостная.

– Девушка...

– Молодой человек уже заплатил, – протягиваю ему эту их деревянную стопку для денег.

Парень поджимает губы, растерянно бегая по мне глазами.

– Можете быть свободны, – улыбаюсь, видя его явную неприязнь.

Пью колу и думаю о том, какое о себе оставила впечатление. Не скажу, что мне это важно, скорее просто интересно, что он там обо мне придумал. Никита этот.

Домой прихожу лишь переночевать, мысленно радуюсь тому, что завтра после учёбы мне на работу. И денег заработаю, и по городу слоняться не придётся.

Утром собираю сумку и несусь в школу. Ненавижу эту дурацкую школу. Когда она уже закончится? В холле встречаюсь нос к носу с директрисой. Уф, очень надеюсь, что пронесёт, и она впала в беспамятство. Жаль, но мои мечты остаются лишь мечтами. Зоя Фёдоровна поправляет свои очки и без слов заставляет меня идти за ней. Я, как игрушка на верёвочке, волочусь следом, лишь у её кабинета замечая всё это время идущую позади Соловьёву. Сучка! Стукачка чёртова, в следующий раз она точно одним чаем на голову не отделается.

Зоя пропускает меня в свой кабинет, с улыбкой приглашая туда и эту дрянь. Сажусь на стул, залипая в окно. Директриса деловито усаживается в своё креслице, бойко ударяя ладонью о стол. Вздрагиваю от неожиданности, фокусирую внимание на этой неугомонной женщине.

– Викторова! Как ты объяснишь такое отвратительное поведение?

– Какое поведение? Я разве что-то сделала?

– Зоя Фёдоровна, она при всех меня облила, кипятком, между прочим. А если бы у меня ожоги остались? Вся столовая видела, честно-честно. Кто хотите подтвердит. У меня весь вечер глаза болели, я спать не могла, голову пекло. Так больно, – начинает рыдать. – Что я ей сделала? Мы просто сидели, а она подскочила и всё это мне на лицо вылила. Ненормальная! – хрюкает, хлопает носом.

Но я ей не верю. Актриса, блин, рыдает она тут, пару минут назад только скалилась шла.

– Так, Викторова, чтобы завтра же в школу родители пришли, иначе я просто тебя выгоню. Поняла?

– Поняла, – прищуриваюсь, прожигая Соловьёву взглядом.

– Можешь быть свободна тогда.

– Ага, до свидания!

– На уроки иди, проверю.

– Хорошо, сказала же, что по-ня-ла.

Прикрыв за собой дверь, поджимаю губы. В унитазе её утоплю, точно утоплю. Дрянь пакостная. Убрав руки в карманы шорт, вышагиваю по коридору к алгебраичке. В классе сажусь за последнюю парту и хочу накрыться с головой одеялом. Все бесят.

– Ди, – Костик садится рядом, – тебя Зоя искала.

– Нашла уже.

– И что?

– Отца в школу, блин, – хлопаю тетрадь по парте, привлекая к нам внимание всего класса.

– Викторова! – Настасья Максимовна угрюмо выдерживает взгляд и снова отворачивается к доске.

– И? – продолжает Костик, но уже шёпотом.

– И ничего, сказала, не придёт отец, выгонит из школы.

– Так делать-то чего?

– Блин, отвянь, сама не знаю. Никаких идей. На работу пойду.

– Тебя выгнать могут.

– Ну девять классов у меня уже есть, не пропаду.

– Может, я как-то могу помочь?

– Ага, можешь.

– Как?

– Прекрати нудить.

– Я серьёзно, Диан.

– И я. Более чем серьёзно. Закрыли тему, давай вон задачи решать.

Костик дуется, даже слегка отодвигается и пялится в свою тетрадь. Вот и хорошо, не могу думать, когда кто-то на нервы действует. Можно, кстати, на работе кого-нибудь попросить подыграть, моего отца всё равно в лицо никто не знает. Идея!

После школы, отвязавшись от Константина, который просто одержим идеей меня спасти, бегу на работу, точнее еду. На остановке поправляю сумку, куртку, отмечая, что погода сегодня тёплая. Так, может, и новую покупать не придется, сэкономлю. В бар захожу с центрального входа, хочу поговорить с нашим барменом о маленьком одолжении, ему за сорок, и он прекрасно подойдёт на роль папочки, да и до начала смены у меня есть как минимум минут двадцать.

– Алексей, добрый день! – широко улыбаюсь.

– Ди, с чего так официально?! – улыбается в ответ.

– Помощь нужна, позарез.

– Какая?

– Я бы тоже послушал, какая помощь тебе нужна в моём баре и от моего сотрудника?! – басит прямо надо мной.

О, этот голос! Жорин, чтоб его. Медленно разворачиваюсь, выпрямляя спину так, словно проглотила пару ломчиков. Губы расплзаются в ехидной улыбке, защитная реакция: чем мне страшнее, тем я веселее и неадекватнее, покусать могу, ага.

– Здравствуйте, господин Жорин, – склоняя голову вбок.

– Тебе чё здесь надо? – с явным презрением.

– Как бы ни было прискорбно сообщать вам сей факт, но я здесь работаю, – поджимаю губы. Глумливо выпучивая глаза.

– Чего?

Мне кажется, он впечатлился, даже гонора поубавилось, спесь слетела, видимо.

– Да-да. Давно работаю. А вы и не в курсе, как оказалось.

– Чего?

– А другие слова в вашем... то есть, э-м-м, полы мою, тарелки, – загибаю пальцы.

– Ты вообще страх потеряла?

– Чуть-чуть, – прищуриваюсь, показывая ему почти касающиеся друг друга большой и указательный пальцы.

– П*зда рулю. Можешь считать, что не работаешь.

- Никита сказал, что ты меня не уволишь. Что ты ему обещал.
- Что? Ты охренела? Чего несёшь вообще?
- Правду. Я всегда говорю только правду, – прикладываю ладонь к сердцу.
- Гонишь!
- А ты сам у него спроси!

Иду ва-банк, а что ещё делать? Мне нужна эта работа.

Жорин чешет затылок, а после с кровожадной улыбочкой достаёт мобильный, нажимает вызов и подносит к уху.

- Ник, зайди в бар.

Убирает телефон обратно, цокая языком.

– Как хорошо, что Шелест ждал меня в тачке, правда? – подцепляет ворот моего свитера пальцем, смеясь прямо в лицо.

- Более чем, – улыбаюсь, а сама думаю, как буду выкручиваться.

Дверь позади Жорина хлопает.

– А вот и он, – слегка отталкивает меня. – Ник, у нас тут интересный диалог. Поучаствуешь?

Жорин отступает в сторону, и теперь Шелест видит и меня. Не скажу, что он обрадовался, но вроде узнал. Уже хорошо. Ну что? Будем давить на жалость, однозначно!

- Привет! – махаю ему ручкой, как старому другу.

Жорин явно офигевает от происходящего.

– Привет-привет, – обходит Дена, садясь у барной стойки, – двойной эспresso. Чувствую, будет весело, – оценивающе нас оглядывает.

- Эта коза, тут мне затирает, что ты ей сказал, что я её не уволю.

- А ты уволишь?

- Нет, то есть да. На хрен она мне сдалась?

- Да тебе же пофиг.

- Мне принципиально! Она мою тачку...

– Ой, – закатываю глаза, – я тебе уже сто пять раз всё вернула. Ты теперь на каждом углу вспоминать будешь?

- Не, ты видел? Ник, борзая, как стадо попугаев.

- Почему попугаев? – Никита делает глоток из только что принесённой ему чашки.

- Ты прикалываешься, что ли?

– Нет, – ещё один глоток, – ты её лучше барменом сделай, смотри, сколько энтузиазма и стремления поговорить.

- Она мне всех клиентов распугает. Она на енота похожа. Кто её вообще краситься учил?!

- А мы её умоем, – мягко смеётся.

- Я вообще-то здесь!

- Тихо, – ставит чашку на бар, – я тут тебя от увольнения спасаю.

Я открываю рот, но за отсутствием аргументов сразу его захлопываю.

Жорин улыбается с ехидцей, прищуривается, и я чувствую неладное. Они так странно между собой переглядываются...

- Ладно, – кивает, – под твою ответственность, Шелест, сам её умоешь.

– Без проблем, – Никита спрыгивает с барного стула и за один шаг пересекает расстояние между нами.

- Ник, давай недолго тут, и так опаздываем.

Шелест кивает уходящему Денису, и когда дверь за тем закрывается, поворачивается ко мне.

- И что это было, Диана?

– Работа нужна, у меня кошка дома беременная, и котята некормленные, – пожимаю плечами.

– Чего? – хмурится, явно пытаюсь вникнуть.

– Спасибо, говорю, что помог.

– Пожалуйста. И умойся, реально, на енота похожа.

– Это смоки айс!

– Это вечерний мейк, а сейчас день, – подмигивает.

Он меня стебёт, гад!

– А у меня ночь. Иди уже отсюда.

– Ты просто мастер благодарности.

– Даже не думай, что я упаду на колени с восхищением и буду целовать тебе руки.

– А я так надеялся. Ладно, давай.

Шелест треплет мои волосы, просто разлохмачивая мне весь хвостик, и, довольный моим недовольством, идёт на выход.

– А я теперь правда бармен? – кричу вслед.

– Правда-правда.

Хлопаю в ладоши, поворачиваясь к Алексею.

– Ну что? Принимай стажёра, начальство одобряет. Сам слышал.

Остаток смены я познаю азы барменства и бью парочку стаканов. Всё оказалось не так просто, а жаль. С виду всё это выглядит очень и очень не сложно. Где-то в два в бар заруливает толпа прилизанных парней, девки с ними тоже есть, и одну я даже узнаю, моя любимая одноклассница – Соловьева. Её-то каким ветром? Она же у нас сущий ангелочек, а трётся с упырями какими-то. Ещё и жопой крутит, очень интересно. Кажется, сегодня ночью у меня может появиться компромат на это создание.

Наливаю чай умирающей у бара девчонке, перепила бедолага, видимо, продолжая наблюдать за одноклассницей. Та, кстати, уже успела покрутиться у шеста. Да-да, в баре бывают ночи стриптиза.

Залипаю на этой картинке и не знаю, чего мне хочется больше: ржать или блевать от её вертяний.

– Ты по девочкам, что ли?

– А? – оборачиваюсь на голос.

Жорин. Как вовремя.

– Я-то? Ну, – прикладываю пальцы к губам, – очень может быть.

– Фу, хотя...

– Поумерь свою фантазию.

– А ты свой язычок. Ника тут нет, вышвырну на улицу, пискнуть не успеешь.

– Как грубо. А ты знал, что у тебя в бар малолеток пускают?

– Чего?

– Того. Девку у шеста видишь? Так вот, она школьница.

– А ты откуда знаешь?

– А она в моём доме живёт.

– Серьёзно?

– Более чем.

– Задрала эта охрана.

Жорин матерится и ползёт чихвостить секьюрити, я же под шумок скрываюсь на кухне, мне нужна передышка. Наливаю водички и, уже почти скинув туфли, сажусь на диванчик в персональской, но спокойствие нам только снится.

– Ди, – Лёша распахивает дверь, – живот прихватило у меня...

– Ладно, сейчас тётя Диана встанет и спасёт твою попку.

Алексей кривит лицо, но уходит молча. И правильно!

На баре чувствую себя немного скованно, внешне этого не видно, конечно, но внутри я дрожу от страха, сделать что-то не так. Наливаю очередной виски со льдом, не глядя ставя на бар. Народу прибавляется с каждой минутой, никогда не была здесь в разгар вечеринки, я в основном тут всё убирала после закрытия, поэтому как-то не в курсе была, что сюда столько народа вмещается, а с виду маленькое помещение.

– Колы, девушка, – звонкий женский голосок прямо надо мной.

Поднимаю голову, мельком глядя на подошедшую блондинку, она явно раздражена.

– Со льдом?

– Да, пожалуй.

– Хорошо, – кладу кубики льда в стакан. – Плохой день?

Блондинка смотрит по сторонам, в итоге всё же возвращая внимание ко мне.

– Последние пару лет.

– Всё временно.

– Нет ничего более постоянного, чем временное.

– Тогда вы просто обязаны что-то поменять, – пожимаю плечами, протягивая ей напиток.

– А если я не могу?

– Не можете или не хотите?

Она задумывается, поджимает губы.

– Всё же, наверное, не хочу.

– Вот видите.

Девушка зажимает трубочку зубами, подпирая подбородок ладонью.

– Вот ты где, – знакомый голос, но обращается он явно не ко мне.

Выхватив Шелеста из толпы, резво присаживаюсь на корточки. Дальше слышу всё очень неразборчиво из-за громящей музыки.

– Ник, мне так плохо!

– Бухать меньше надо.

– Ты злой...

– Домой поехали, Тей.

Дальше голоса стихают совсем. Меня должно волновать, кто она ему? Наверное, нет, не должно. Меня и не волнует! С каких пор я стала врать сама себе?

Выпрямляюсь, раздражённо кидая трубочку от коктейля в урну, и почти сразу довольно улыбаюсь, Соловьеву выводят из бара парочка амбалов, ну хоть что-то.

Глава 4

Ник

Сажая Тейку в машину. Какого она, вообще, сюда поехала среди ночи, и подружки её чокнутые где?

– Ник, у тебя водички нет?

– Исключительно яд.

– Я так и знала.

– Что за повод?

– Отличный, самый лучший повод – с сегодняшнего дня я совершенно свободна. Всё, дышу полной грудью.

– Лёха-то в курсе?

– Конечно, – фыркает, закидывая ногу на ногу. – Может, в клуб куда-нибудь заедем?!

– Оставь себе пару развлечений на завтра.

– Моим завтрашним развлечением будет головная боль, ты же знаешь, как плохо я переношу алкоголь.

– Ага, но всё равно бухаешь.

– Жизнь такая, – накрывает лоб ладонью, почти сразу вырубаясь.

Дома заезжаю в подземный гараж и вытаскиваю её сестру из машины. Тащу её в комнату, под её невнятные рассуждения. Накрыв пледиком, ухожу к себе. Душ, и спать. День бешеный, полдня с Деном в гаражах стритрейсеровых проторчали. Зато, тачка оттюнингована, как надо. Через пару деньков можно погонять.

Утром спускаюсь к завтраку последним, даже наша местная пьяница оказалась проворнее меня и уже успела нагрузить всех домашних своими страданиями. Сажусь на стул по другую сторону стола от отца, мама мило улыбается, внимательно слушая Тею.

Наливаю себе чай. Я и еда с утра – вещи несовместимые. Поэтому просто пью пустой чай, размышляя совсем не о том, о чём здесь ведут беседы. Перед глазами малявка. Кстати, вчера вечером я её не заметил на баре. Надеюсь, Ден её не вытурил. Жалко девчонку, деньги ей явно нужны.

Хотя после его взглядов и хитрого «ну понятно» вряд ли он её уволит. Уверен, он подумал, что у меня планы на эту девочку. Ошибочное мнение, но это его не касается.

– Ник?

– Что? – перевожу взгляд на сестру.

– В город меня отвезёшь?

– Ага, может, ты уже машину купишь?

– Нет, меня и так всё устраивает.

– Ещё бы. Как вы с ней живёте? Неугомонная женщина же.

– Сынок, ты поосторожнее в выражениях, – мама с улыбкой подглядывает на Теюху.

Походу, систер сейчас лопнет от злости.

Ухмыляюсь, ничего не отвечая и стараясь игнорировать недовольство сестричкиной мордашки.

– Пап, ты сегодня в офисе?

– Большую часть дня – да.

– Я тогда заеду, есть одна идея, хочу поделиться.

– Давай, только позвони заранее, меня может не быть на месте.

– Ок.

Отец встаёт из-за стола, поправляя ворот рубашки, мама моментально направляется к нему.

– Богдан, я провожу.

Он кивает, приобняв маму за талию. Мне всегда было очень интересно за ними наблюдать, у моих родителей, можно сказать, образцово-показательные отношения. И это совсем не значит, что они не скандалят, ещё как скандалят, и я думаю что мы никогда не слышали этого. Просто они с детства создали для нас какой-то невероятный мир гармонии и любви. Всегда, когда я размышлял о будущем, то руководствовался одним-единственным аргументом – моя собственная семья должна быть такой же.

– Ну что, поехали? – Тейке.

– А, что? Да. Поехали. Сейчас только маму дождёмся.

– Ладно, – достаю мобильный, – чем заниматься будешь сегодня?

– К Эмме поеду, у неё сегодня съёмки рекламные, показ и фуршет.

– Фуршет в этой цепочке – главное звено?

– Может быть. Ты тоже заезжай, она про тебя спрашивала.

– Моя первая любовь, помнит, – улыбаюсь.

– А как ей забыть? Она уроки ко мне делать приходила, потому что вдвоём веселее, а мой малявка-брат ей волосы поджёт.

– Зато она очень смешно бегала, жаль, мама тогда пришла.

Тейка делает глоток воды из стакана, закатывая глаза.

– Вы чего тут?

Мама возвращается в столовую, упираясь ладонями в спинку моего стула. Запрокидываю голову.

– Да про Эмку вспоминаем. У неё показ сегодня, кстати. А ещё про то, как этот вон, волосы ей подпалил.

– Поздравь её от меня.

– Хорошо.

– Ой, как я рада, что мы пережили Никитины игры без больших потерь.

– Ага, только клумбы, пледы, посуда. Бассейн, когда он туда синьки нафигачил. И где хоть взял столько?

– Тебе скажи. Хороши времена были, чего начинаете-то?

– Хорошие... Пожалей мои нервы, – мама наигранно прикладывает руку к груди, а второй обмахивает лицо.

Поднимаюсь, сжимая мамину ладонь, и целую в щёку.

– Тейка, поехали. У меня сегодня дел по горло.

– Ладно-ладно, – берёт со стола бутылку воды, – я сегодня у себя останусь, мамуль.

– Хорошо. А ты?

– И я. Пока.

Мама растягивает губы в улыбке, обнимается с Теей и, проводив нас взглядом, выходит из столовой.

– Слушай, ты сегодня с этой своей будешь? – морщится сестра.

– Мы расстались.

– Серьёзно? И ты мне ничего до сих пор не сказал?!

– К слову не пришлось, сейчас вот рассказываю.

– А что случилось?

– У нас нет будущего, такая формулировка устроит?

– Нет.

– Другой не будет.

Всю дорогу до офиса Эммы, той самой моей детской любви, а сейчас хорошего российского дизайнера, мы добираемся быстро. Тея, в своём неугомонном репертуаре, тащит меня поздороваться, не то чтобы я не хочу, скорее не вижу смысла.

– Ник, – Эмма широко расставляет руки, направляясь в мою сторону, – ничего себе ты, какой ты. Сколько мы не виделись?

– Лет пять, – обнимаю её и сразу отстраняюсь.

– Боже, как быстро летит время. Ты на показ?

– Я личный водитель местного алкоголика, – киваю на Тейку.

Она кидает в меня бутылку с водой, еле успеваю увернуться.

– Иди уже отсюда, – ворчит, усаживаясь в кресло.

Пока они болтают, прохожусь по небольшому кабинету с зеркалами и ширмами.

– Эмма, – дверь распаивается с воплем, – у нас девочка слетела, в обморок упала, на скорой увезли, переутомление.

Эмма меняется в лице.

– Кто?

– Элина.

– Черт, сколько у нас времени, чтобы найти замену?

– Часа два.

– Плохо, не успеем.

– Эм, придётся сокращать программу.

– Нет, я этого показа здесь месяцы добивалась. Надо искать.

– У нас нестандартные модели, сама знаешь, мы так быстро не найдём.

– Нестандартные – это как? – смотрю на них с интересом.

– Это не сто девяносто сантиметров, а сто пятьдесят восемь-сто шестьдесят.

– А такие бывают?

– В основном рекламные, не подиумные, но суть нашего проекта, что подиум – мода не только для высоких. Подожди, Ник, – отмахивается, начиная хаотично бегать по комнате.

– Есть у меня одна мелкая знакомая, симпатичная...

– У тебя? – Тея прищуривается. – У тебя одни модели-лошади.

– Ха-ха!

– И, – Эмма быстро реагирует на мои слова, – худая? Грудь есть? Волосы какого цвета?

– Я с ней так близко не знаком, чтобы утверждать о наличии груди, – усмехаюсь.

– Симпатичная, говоришь... зная твоих баб, о которых Тейка рассказывала, вкус у тебя есть, поэтому давай привози её сюда. Минут сорок тебе хватит?

– А вы не офигели здесь? Командирши.

– Ник, сам ляпнул, теперь отдувайся, Эмма от тебя не отстанет. Но это всё мелочи, мне вот интересно, что это за знакомая...

– Я сначала позвоню. Может, у неё дела.

– Да, давай.

Отхожу подальше от этих ненормальных, набирая Дианкин номер. И зачем я, вообще, это ляпнул? Сука.

– Енот, привет! Дело есть...

– Сам своё дело ешь, я предпочитаю что-то посущественней. Привет!

– По подиуму походить хочешь?

– Как моделька?

– Как она самая.

– А что мне за это будет?

– Заплатят.

– Много?

- Нормально.
- Надо подумать, – повисает пауза, – а когда?
- Через сорок минут, енот, сорок минут.
- То есть тебе срочно, да? – слышу в голосе нотки смеха.
- Можно сказать и так.
- Ладно, – что-то хлопает на заднем плане, – приезжай, – диктует адрес.
- Минут через двадцать буду.
- Там магазин на углу есть, припаркуйся рядом.
- Ладно.
- Убираю телефон, возвращаясь к девчонкам.
- Ну что?
- Привезу, согласна. Только не пугайтесь, визажист она от Бога.
- Тейка начинает ржать.
- Ты мне так же говорил.
- Но ты меня продолжаешь игнорировать до сих пор. Всё, я уехал.

По адресу приезжаю быстрее, чем обещал, паркуюсь, выхожу из тачки, обходя её вокруг, пинаю колесо, давлю ладонью на капот, резко оборачиваясь на шум. Первое, что хочется сказать, явно будет матерным, фигею от того, что вижу. Ди резво несётся через дорогу с улыбкой на лице, иногда оглядывается назад. Увидев меня, махает, а потом показывает фак тому, кто бежит за ней.

– В тачку свались, – орёт мне без всякого стеснения, запрыгивая на пассажирское сидение.

Залипаю ровно на секунды и, отмерев, сажусь за руль.

– Гони давай!

Она продолжает смеяться, оглядывается на бегущего уже за отъезжающей машиной мужичка в кепке и форме охранника.

Прибавляю газа, и она преспокойненько откидывается на сидении, барабана пальцами по двери.

– Ты охренела! Это что было? – взрываюсь и резко бью по тормозам.

– Но было же весело! – ухмыляется, расстёгивая кофту под курткой.

Лучше бы она этого не делала, потому что вмиг салон наполняется кучей конфет, жвачек, маленьких шоколадок.

– Ты это украла?

– Конечно нет, – выпучивает глаза, – как ты мог ТАКОЕ подумать? – разворачивает конфету, с ехидцей на лице.

– Ди!

– Ну, я верну, завтра деньги им занесу, не парься.

– Серьёзно?

– Да, ты прав, ты слишком серьёзный.

– На месте поймёшь, – пялюсь на дорогу, пытаюсь не орать и мыслить адекватно.

– Хорошо, конфетку будешь?

– Нет, – вжимаю педаль газа в пол.

Енот быстренько пристёгивается, разворачивая ещё одну конфету, и с довольной моськой засовывает её в рот. Гадина мелкая. К Эмме мы приезжаем нереально быстро. Только и слышу сигналы негодующих водителей позади.

– Какое миленькое здание, – вылезает из машины, забрасывая лямку рюкзака на плечо. – И что? Здесь обитают модельки?

– Ага.

– Хорош дуться, солнце с неба не упало.

Я оставляю её реплику без ответа, а она лишь пожимает плечами. Открываю дверь, пропуская её вперёд. Эмма почти сразу подскакивает со своего места, подбегая к Ди. Настороженно обходит её и довольно улыбается.

– Она то, что нужно!

Енот хмыкает, кидая рюкзак на кресло, вкрадчиво смотрит на присутствующих.

– Всем здравствуйте!

– Ник рассказал, что нужно? – воркует Эмма.

– Походить надо туда-сюда, – снимает куртку.

– Мастер объяснений, – с укором, – короче, мы тебя сейчас переоденем, накрасим, а я объясню, что нужно делать в процессе. Подожди, пройди до той стены.

Енот шагает, куда сказали.

– Так, плечи расправь, и шаги медленнее, представь, что ты на королевском приеме, живот втяни!

– Ты где у меня живот нашла? – возмущается новоиспечённая модель.

– Молчать и делать всё, что говорю.

Ди закатывает глаза, выпрямляя спину и замедляя шаг.

– Так, ну неплохо, сейчас из девочек кого-нибудь приглашу, потренируетесь.

Пока Енот развлекается походкой, Тея появляется за моей спиной.

– Ты где её нашёл? Лицо у неё уж очень знакомое.

Ди всё слышит и, не отвлекаясь от хождения, отвечает за меня:

– Не ревнуй, я у Жорина барменом работаю, – опять смешок.

– Точно! Это ты меня колой спасала, – щёлкает пальцами.

– Ага, – разворачивается, а Эмма заставляет её надеть каблуки, – боже, что за ходули, а?

– Молча ходим. Так, Тея, на Красишь её?

– Я сюда не работать приехала, но ради тебя, ладно...

Пока сестра копается в чемоданчике визажиста, я наливаю себе кофе и сажусь на диван.

– А заплатите много?

Слышу наглый голосок.

– Нормально.

Эмму вовсе не смущает поведение и вопросы Дианки, даже наоборот, она ей явно импонирует.

Ди выхаживает из угла в угол, очень сосредоточенно смотря себе под ноги, но после замечания Эммы вытягивает шею, смотря чётко перед собой. Эм удалось за пять секунд её приручить, чудеса.

– Так, давайте голову мойте, я пока разложусь, – командует сестра.

Ди одаривает Тейку злобным взглядом, слезая с каблуков. Пока Енот полощет голову, я успеваю допить кофе и созвониться с отцом. Пока он в офисе, нужно туда съездить.

– Я к отцу, – бросаю Тее уже у двери.

– Может, ты побудешь тут? Мало ли что у неё в голове, она немного странная и наглая.

– Не бойсь, не покусаю, – Ди обходит Тею, садясь в кресло для визажа, и берёт со стола какую-то баночку.

Тейка сразу же вырывает косметику у неё из рук, с недовольным лицом доставая кисти.

– Полотенце с головыними.

– Да без проблем, – кидает полотенце Тее под ноги.

Сестра поджимает губы, прищуривая глаза. Походу, лучше отсюда свалить, не очень хочется наблюдать за их разборками. В обиду они обе себя не дадут, поэтому потери если и будут, то минимальные.

Без слов хлопаю дверью и выхожу в коридор.

В приёмной отца мне улыбается милая секретарша. Лет тридцать ей, новенькая. Насколько я знаю, старая – Арина, кажется, пару месяцев назад ушла в декрет.

– Здравствуйте! Вы к Богдану Николаевичу? Он сегодня, к сожалению, никого не принимает.

– Думаю, меня примет, скажите, Никита пришёл.

Даю ей выполнить свою работу, хотя вполне мог зайти и так, отец в курсе, что я приехал.

– Да, можете пройти, – улыбается, откладывая телефон.

– Спасибо, – толкаю дверь, переступая порог.

Отец приглашает меня присесть жестом, сам же слушает, что ему говорят в телефонную трубку.

Ворочаюсь в кресле, повесив куртку позади себя на спинку. Пока жду, кручусь вокруг своей оси, рассматривая графики роста прибыли, франшиз и ещё кучу всего.

– Что за дело?

– О, ты уже поговорил, – кладу ладонь на поверхность стола, – чёт задумался. Я с очень интересным предложением.

– Обедал?

– Не, не хочу. Или в рестик спустимся?

– Пожалуй, – смотрит на часы, поправляя манжет рубашки.

– Ок, я угощаю.

Папа смеётся, надевая пиджак.

– Пошли уже, миллионер.

Дверцы лифта разъехались, и мы с отцом вышли в холл бизнес-центра, пересекли небольшое расстояние, попутно обогнув фонтанчик, прежде чем зайти в ресторан.

Заняв столик у окна, между двух огромных бадей с землёй, в которых произрастали цветы. К нам сразу подбежала официантка. Девушка улыбочиво подала меню и без умолку рассказывала о блюдах дня.

Сделав заказ и наконец избавившись от этой назойливой девчонки, можно было спокойно поговорить.

Налив в стакан воды, отец сделал глоток и выразительно на меня посмотрел.

– Что там у тебя? Рассказывай. Весь уже извёлся.

– Короче, мы с Деном тут вкладывались в один маленький проект по тюнингу тачек.

Папа посмотрел куда-то за мою спину.

– Излагай-излагай, я тебя внимательно слушаю, – переводит взгляд на меня.

– Прибыльное дело, но без хороших материальных вливаний выхлопа будет мало.

– Предлагаешь, чтобы я профинансировал?

– И да, и нет.

– К сути.

– Одолжи денег.

– Одолжить? – брови поползли вверх, губ коснулась улыбка.

– Да, у меня сейчас столько нет, точнее не будет на развитие после покупки. А так мы будем выплачивать по пятьдесят процентов в месяц с дохода, пока не покроем сумму долга.

– Хорошо, моя компания профинансирует твой проект. С процентами повременим, – ухмыльнулся.

– Ладно. Спасибо.

– Можешь расслабиться, выдохни, сынок.

– Не издевайся, это реально крутое дело.

– Я рад, помогу. Лучше расскажи, как дела? Что слышно по контракту? Когда ты нас покинешь?

– Всё нормально. Правда, пап, всё хорошо. Два месяца ещё буду в Москве, потом улечу.

– Надолго?

– Думаю, да. Мама будет переживать.

– купишь маме билет, чтоб она слетала к тебе в гости, увидела, что ты не живёшь в коробке и не умираешь от голода.

– Точно, – щёлкаю пальцами.

– Но всё же расскажи ей заранее, что контракт жёсткий и времени прилетать к нам в гости будет не много.

– Скажу.

Мы ещё минут сорок сидим с отцом, обедаем, разговариваем о спорте, немного о бизнесе и расходимся, каждый по своим делам.

После встречи возвращаюсь к Эмке, любопытство перебарывает. Маневрирую в толпе селебрити и сажусь в первый ряд у самого подиума. Тейка подсутилась с местами, она, кстати, появляется почти сразу, стоит мне присесть.

– Ник? Не думала, что придёшь.

– Уйти?

– Шутник. А теперь серьёзно, ты её откуда знаешь? То, что она работает у Дена, не прокатит, к тому же, я у неё в рюкзаке видела дневник. Школьный дневник. Ты совсем офигел? – хлопает меня по плечу.

– Полегче! Всё не так, как обрисовал тебе твой похмельней мозг.

Тея дуется, а я ей быстренько излагаю то, чего она от меня так хочет. По ходу рассказа, сестрёнка хмурится, поджимает губы, ей явно не по душе эта история.

– ...как-то так.

– Ужас, бедняжка. Теперь ясно, чего она такая злая, обхамила меня, и всё время, что я её собирала, дерзила. В общем, кажется, я ей не понравилась.

– Не парься, ей мало кто нравится.

– Может, маму попросить, и её фонд сможет как-то помочь? С жильём хотя бы...

– Можно.

Сестра кладёт раскрытые ладони на колени, зал наполняется музыкой, ведущая толкает какую-то чушь, и вслед за её словами на подиуме появляется первая модель.

Ди выходит последней, завершает показ. Честно, глядя на неё в платье и на каблуках, понимаю, что в мозгах происходит диссонанс. Неужели эта обаяшка – тот самый дерзкий всем и каждому енот?

Её грациозные шаги привлекают внимание, и не только моё. Сидящий рядом лысый мужик в теле, с золотыми часами на запястье, явно ею заинтересовался. Губы на его морде скрючились в подобии улыбки, а в глазах блеснула похоть.

Ди остановилась в конце, демонстрируя платье, и, развернувшись, направилась назад. Её силуэт быстро сменила Эмма, ловя овации зала. Мужичок тем временем подозвал к себе длинного и очкастого паренька, нашептывая ему что-то на ухо, тот покивал, как болванчик, и исчез в неизвестном направлении. Кажется, вечер перестал быть томным, подумал я, зажав в кармане зажигалку. Интересно, откуда она у меня? Я ещё раз пробежался взглядом по сидящему рядом, а мои глаза накрыли чьи-то холодные ладони.

Я могу даже не оборачиваться, уже знаю, чьи это руки. Лера. Её духи ни с чем не спутаешь, убираю её ладони, выпрямляясь во весь рост. Тейка подпрыгивает следом, очень и очень злобно смотря на Польских.

– Ник, привет, нужно поговорить.

– А есть о чём?

– Никит, давай наедине.

Сестра убирает руки в карманы брюк и молча уходит.

– Чего тебе? – всё ещё наблюдаю за исчезающей фигурой Теюхи.

– Ник, я была не права, это всё ужасно. Этого больше не повторится, слышишь, никогда. Я кля...

– Лер...

– Ник, – вцепляется в мою руку, – я очень-очень тебя люблю, мне никто кроме тебя не нужен, слышишь? Я с ума без тебя схожу.

– В последнюю нашу встречу ты говорила другое, – отцепляю от себя её пальцы.

– Я была не в себе.

– Ты была под наркотой.

– Этого больше не повторится, миленький, верь мне, слышишь!

– Лер.

Она вновь хватается за мою руку, прижимая к своей груди.

– Никит, давай начнём всё с чистого листа, я на слёт этих карликов специально ради тебя приехала.

– Слышь ты, сама карлик! – грозный вопль откуда-то сбоку.

Мы с Польских одновременно оборачиваемся на звук, видя Ди. Она стоит, уперев руки в боки, слегка нахмурив брови, губы же приподняты, это не улыбка, а явная ухмылка.

Лерка приоткрывает рот, заметно растерявшись, я вижу, как черты её лица приобретают воинственный характер. Она выпускает мою руку, в два шага пересекая расстояние между нами и енотом.

– Чего? – насмешливо смотрит на Дианку. – Лепреконам слово не давали.

– Что ты сказала? Ты сейчас выхватишь! – замахивается.

– Брейк, – резко оттаскиваю Ди в сторону.

Она сопротивляется, скребя каблуками по полу.

– Ник?!

Лерка во все глаза таращится на меня, а енот продолжает вырываться из моего захвата.

– Успокойся, – хорошенько тряхнув её, можно сказать, прячу за свою спину.

– Я позвоню, Никит, – Польских смеряет енота презрительным взглядом, задирает подбородок и гордым шагом выходит из зала.

– Коза!

– Прекрати.

– Она назвала меня лепреконом, – с возмущением, – лошадь!

– Ты так-то тоже хороша.

– Не будь мамочкой, – толкает меня в спину. – Бабки мои где? Мне домой надо.

– Эмма...

– Поняла, спрошу у Эммы. Пока, герой-любовник. Купи своей модельке новую сумку, и она вновь раздвинет ноги, – хмыкает и весёлым шагом, почти вприпрыжку скачет в гримерную.

– Стоять!

Выбесила. Иду следом, успеваю схватить её за пояс платья, и резко тяну на себя. Последнее, что я слышу, это треск ниток и отборный мат.

Глава 5

Ди.

Мерзкая бабёнка!

Меня переполняет злость. Дурацкий день, и все ко мне лезут, сначала Тея прилепилась, гуру макияжа, блин, потом лошадь эта. Держал бы лучше Шелест своих баб от меня подальше. Всем бы было ещё какое счастье, мне точно до остальных в принципе дела нет.

Конечно, я не совсем права в своём последнем высказывании, но реально достали, хотя этот порыв стыда длится недолго. Почему?

Потому что Ник отрывает от платья пояс, резко притягивая меня к себе. Я касаюсь спиной его груди, и мне становится не по себе, странное чувство, пугающее. Ощущение, словно мне хотелось этих прикосновений. Всё время, что мы общаемся, где-то в моей голове было едкое, маньячное желание его прикосновений. Какой бред, бред. Хочется убежать, что я и делаю. Дёргаюсь, резко начиная идти вперёд, и вот тут происходит главный пипец, Шелест, стоящий совсем близко, видимо, случайно наступил на длинный шлейф от моего платья. Слышу треск ниток, а потом, как в замедленной съёмке, вижу, как юбка, отделившись от лифа, падает на пол.

Весело, мои труселя увидела пара десятков человек, впрочем, пофиг. Переступаю через ткань, пинаю её в Шелеста и, показав ему фак, иду в гримёрную. Я делаю всё на автомате, я дико зла, но мне не стыдно и даже не некомфортно, мне реально пофиг. Я не в панталонах, жопа у меня нормальная, поэтому...

Шелест не идёт следом, что хорошо, потому что после подобной выходки я бы точно его побила битой!

Заявляюсь в своём новеньком прикиде к Эмме, и та чуть ли не падает в обморок. Эта Тея сразу начинает суетиться, строить из себя мамочку. За что мне всё это?

– Это Ник сделал? – округляет свои и без того огромные глаза, услышав моё объяснение.

– Ага.

– Это на него не похоже.

– Я, по-моему, доступно объяснила, что он случайно.

– Да, – поправляет свои светленькие волосы.

Пока она охает и причитает, я стаскиваю с себя оставшийся от шикарного платья лиф и быстренько надеваю свой бюстгальтер. И конечно, как назло, пока я стою тут в одном белье, дверь открывает кто? Никита! Чтоб его.

Меня перетряхивает, чувствую, как краска приливает к щекам, но вида не подаю, так, как и надо, продолжаю натягивать футболку, колготки, шорты. Шелест, который явно шёл, чтобы что-то сказать, резко захлопывает дверь, видя меня в белье, а Тейка, поджимая губы, бежит за ним.

– Дурдом какой-то, – поправляю рукав на футболке.

– Дурдом? – прихрюкивая орёт Эмма, – вы всё испортили, – её перетряхивает, она сейчас лопнет от злости.

– Сорри, это он, – киваю на дверь.

Эмма накрывает лицо ладонью, не видя, что в гримёрку кто-то входит, на этот раз это её помощница, она сияет, как хрустальная ваза.

– Боже, детка, – хватая меня за руки, – ты устроила такой фурор, невероятно просто. Эмма!

Эм поднимает голову.

– Ты видела, что пишут в сети? Прошло пятнадцать минут, а о нашем показе уже знает вся Москва, эта девочка произвела бомбическую реакцию, выходка с платьем, скандал. Это блестяще, думаю, нам стоит с ней посотрудничать поплотнее.

– Серьёзно? – приподымаю бровь.

По-моему, мир сошёл с ума.

– Отлично – отлично, – Эмма вскакивает на ноги, начиная хаотично бегать туда-сюда. – Что пишут? Покажи.

– Деньги мои отдайте, – надеваю куртку.

– Да-да, держи, – суёт конверт, – спасибо, что выручила.

– Ага. Всем пока, – беру свой рюкзак и иду подальше от этих ненормальных, – больше не зовите.

За дверью боюсь налететь на Никиту, я не из скромных, но всё, что сегодня произошло... Боже, неужели мне всё же стыдно? Не смей, Ди! Не смей.

Иду по коридорчику, стараясь как можно незаметнее выскользнуть на улицу. Погодка шепчет, солнца уже нет, но всё ещё тепло. Закидываю рюкзак на плечи и топаю к метро. Смотрю в пол, разглядывая серый асфальт, позади слышен шум подъезжающей машины.

Астон Мартин останавливается у тротуара чуть впереди меня, прохожу мимо, но, поразмыслив, решаю, что добраться домой на тачке гораздо удобнее, чем шоркаться по метро. Да и извинения послушать хочется, а он будет извиняться, я уверена.

Улыбаюсь и открываю дверь машины в предвкушении представления. А ещё, ещё мне просто хочется побыть в его обществе чуть больше.

– А я тебя уже ждалась, – кидаю рюкзак в ноги, пристёгиваюсь.

– Слушай, я не заметил, как наступил на юбку.

– Да что ты? Ладно, забей, мне было лестно посверкать задом перед толпой этих людей.

– Ди, – берёт мою руку, – извини...

Он ещё что-то говорит, но вместо этого я слышу шум, сейчас я лишь чувствую, чувствую прикосновение, и то, что начинает в этот миг колыхаться в моей душе, всё это пугает. Вырываю руку, закатывая глаза. Надрывно смеюсь, хлопая его по плечу.

– Забей. Мне новую сумку купишь, а не этой своей, но учти, ноги раздвигать не буду, – деловито откидываю волосы за спину.

Никита хмурится, кивает каким-то своим мыслям и медленно выезжает на соседнюю полосу.

Всю дорогу домой мы молчим, и, наверное, это даже хорошо. У подъезда Шелест поворачивается ко мне, очень внимательно всматривается в моё лицо, его губ касается улыбка.

– Ты была сегодня самая красивая.

– Спасибо, – нервно тру нос и, попрощавшись, вылетаю из тачки.

Быстро бегу в квартиру. Зачем он это сказал? Нет, не хочу об этом думать, не сегодня. Распахиваю дверь в свою комнату, лицом к лицу сталкиваясь с каким-то мужиком, он шарится в моих вещах.

– Вон пошёл отсюда! – ору, но реакции ноль, беру швабру. – Пошёл вон, придурок.

Он начинает бубнить, но позади появляется отец.

– Дианка, ты чего разоралась?! Борисыч, пошли, стынет всё.

Этот бомж выползает из моей комнаты, а я сокрушённо смотрю на выломанный замок. Суки!

– Скажи своим алкашам, чтобы сюда не ходили, понял?!

– Ты на кого орёшь? Бл*дь малолетняя, на отца?

– Да какой ты мне отец, придурок? – толкаю его в грудь, роняя рюкзак на пол, конверт вылетает из раскрытого отделения, купюры разлетаются под наши ноги.

Я вижу зародившийся блеск в глазах того, кто называется моим отцом. Он причмокивает, трёт пальцами подбородок, неуклюже выставляя губы трубочкой.

Быстро падаю на пол, чтобы всё это собрать, но чувствую резкую боль, мой папочка толкает меня в плечо, я падаю на пятую точку. Завязывается потасовка, его мерзкий дружок появляется на шум и, увидев бабло, с яростью отшвыривает меня к стене, перед этим ударив в живот.

Я чувствую тошноту и то, насколько тяжёлым становится моё дыхание. В глазах встают слёзы, через размытую пелену я наблюдаю за тем, как они собирают мои деньги и уходят.

Слышу, как громко хлопает входная дверь, медленно поднимаюсь по стенке, держась за живот ладонями. Меня покачивает, сглатываю и, сделав пару шагов, подпираю дверь в свою комнату шваброй.

– Ненавижу, – шепчу, стискивая зубы и закусывая нижнюю губу до крови.

Обессиленно сажусь на пол, отчётливо слыша капли дождя о железный подоконник на улице, обнимаю колени руками, притягивая их к груди, уткнувшись лицом в чашечки.

Пусть этот день уже закончится. Пожалуйста!

Я не плачу, ни за что. Всё это мелочи, пройдёт. Нужно лишь немного потерпеть, совсем чуть-чуть. Утром, собрав себя по частям, выпиваю таблетку обезболивающего и, быстро одевшись в джинсы и футболку, иду на улицу, по лестнице надеваю джинсовку, всё ещё придерживая ладонью ноющий живот. Даже не хочется смотреть на этот огромный потемневший синяк. Переборов боль, сажусь в маршрутку, сейчас должна подействовать таблетка, должна.

Почему-то по дороге в голову закрадывается мысль о том, что кто-то из знакомых мог увидеть видео со мной в сети, после вчерашнего «фурора» мне явно бы этого не хотелось, но даже если это так – выплывем. Что такое мнение стада? Ничего.

Открываю парадную дверь и, сдав куртку в раздевалку, топаю в класс. Как я и говорила, увидев меня, все притихли.

Самойлова прищурилась, что-то шушукнув Подольской, и та громко засмеялась.

Проигнорировав этот выпад, сажусь за парту, впереди литература. Костик вновь уселся рядом, смотря на меня щенячьими глазками.

– Чего?

– Это правда? То, о чём они говорят?

– Что именно?

– Что ты подрабатываешь в модельном агентстве, которое также предоставляет эскорт?

– Что?

Охреневаю от услышанного. Приехали.

– Ты занимаешься проституцией? Ди, – вымученно и очень печально.

– Ага, и по совместительству ещё на Тверской стою. Ни разу не видел, что ли?

– Прости, я не хотел обидеть, но будь в курсе, чего болтают.

– Буду-буду, – ухмыляюсь и в упор смотрю на затылок этой твари в розовой кофточке.

После урока незаметно иду следом за этими подружками в туалет. Сами напросились.

Захожу, хлопая дверью, Самойлова оборачивается, и я сразу трескаю ей по морде. Чуть-чуть перестаралась, кровь, хлещущая из её носа фонтаном, и орущая рядом Погодина совсем не входили в мои планы, но менять что-то поздно.

Наклоняюсь к ней, чувствуя её страх.

– В следующий раз, если ты что-то пикнешь, крови будет больше. Поняла меня, шлюшка?!

Она кивает болванчиком, отползая к батарее.

– И только попробуйте стукнуть кому, поняли?

– Да-да, – бормочет Погодина, вытирая кровь своей подружке.

Выползаю оттуда в каком-то полумёртвом состоянии, перед глазами искры и белые пятна. Упираюсь ладонью в стену, прикрывая веки. Нужно успокоиться, всё хорошо, мне не больно. В рекреации на первом этаже замечаю идущую прямо на меня директрису. Прекрасно! И что я ей скажу? Отец в школу так и не пришёл. Ему пофиг. А если они домой к нам придутся, увидят наш рай и в опеку пойдут? Нет, такого счастья мне не надо. Не хочу в детдом, сама полжизни живу и дальше выживу.

Выпрямляю спину и почти гордо иду ей навстречу, что-нибудь наплету. Ноющая боль становится слабее, вдыхаю, теперь я могу нормально вдохнуть. Видимо, таблетки всё же действуют.

Ещё три метра, и мы столкнёмся лицом к лицу. Выдыхаю, а мозг начинает очень быстро соображать, что врать.

И о чудо, поворачиваю голову к центральному входу, видя Шелеста. Он стоит у расписаний, в наушниках, руки в карманах. Не поверишь, как ты вовремя. Улыбаюсь через силу, мне кажется, директриса, увидев мой рот, входит в ступор. Ещё один шаг, и я могу дотянуться до неё рукой.

– Здравствуйте, Зоя Фёдоровна, отец прийти не смог, работы много.

– Опять? Викторова, мне кажется, ты...

– Но пришёл кое-кто другой.

Оборачиваюсь на Шелеста, Зоя делает – то же самое. Ещё шире улыбаюсь шагая в сторону Никиты.

Шелест снимает наушники в желании что-то сказать, но я опережаю его:

– Познакомьтесь, Зоя Фёдоровна, это Никита, мой старший брат, двоюродный.

Вижу, как его лицо вытягивается, он прищуривается, смотря на меня слегка раздражённо. Ну, прости, дружок.

– Здравствуйте, – кивает наконец, посмотрев на Зою.

Она поджимает губы. Оглядывает его с ног до головы придирчивым, почти соколиным взглядом. От ее внимания, конечно, не ускользают его часы, на которых она задерживает взгляд дольше всего. Наверное, думает, золото это или подделка. А ещё, как у такой оборваночки, как я, может быть такой родственник. Шелест мужественно терпит то, как его разглядывают, произвольно поправляя ворот футболки.

– Добрый день. Хорошо, что вы пришли, Диана ведёт себя отвратительно.

– Это на неё похоже, – трёт подбородок, – накажем, Зоя Фёдоровна, не переживайте.

Говорит ей, а смотрит на меня. Проклинает, видимо.

Директриса грозно задирает голову, а потом предлагает Шелесту пройти в её кабинет. И о боги, он соглашается. Ну зачем? Зачем?

Тащусь за ними следом. Расправляю плечи и, задрав нос, иду к кабинету нашего директора, куда меня, кстати, не пускают. Приходится ждать сидя на подоконнике неподалёку.

Что она ему там втирает? Так проходит почти полчаса, вижу открывшуюся дверь и спрыгиваю на пол.

– Ну? Что она сказала? – смотрю на него снизу вверх.

– Из школы тебя выгоняют.

– Что?

– Но я договорился, сестрёнка, – скептически ухмыляется.

– Я тебя уже почти люблю, – улыбаюсь, прикрывая глаза.

Хоть тут повезло, теперь главное, чтоб Самойлова не нажаловалась, иначе Шелестовское обаяние не поможет.

– А ты чего приехал, вообще?

– Вовремя задаешь вопросы. Актуальнее было бы это спросить минут сорок назад.

– Ну прости, очень была нужна помощь. Так зачем?

– Вот, – достаёт из внутреннего кармана кожаной куртки конверт, – Эмма вчера не всё отдала.

– Денежки? – заглядываю внутрь конвертика. – Мои милые денюжки. Спасибо, – прячу в рюкзак, – и за Зою спасибо, а то она реально поперёк горла уже.

– Я так и понял.

– А что сказал? М? Интересно же.

Веселюсь, стараясь не подавать вида, как мне на самом деле хреново. Так хочется лечь, но я стою, смеюсь, улыбаюсь и строю из себя дурочку.

– Тебе лучше не знать.

– Душу продал.

– Как минимум. С тобой всё хорошо? – смотрит на меня немного странно.

– Вполне, – хмыкаю, – что как мамочка-то?

– Поехали тогда.

– Куда?

– Узнаешь. Поехали, записку тебе напишем, по семейным обстоятельствам, потом.

– Хм, – прикладываю пальцы к губам, – даже не знаю, я так хотела попасть на биологию, но только ради тебя пропущу, – быстренько, стараясь не ойкать, забираю куртку из гардероба. – Поехали уже, ну чего ты встал?! Пошли, – упираюсь ладонями в его спину, толкая к выходу.

Шелест смеётся, начиная шагать.

Никита открывает мне дверь в машине, кстати, сегодня это лексус, который он припарковал прямо за школьным забором. Забираюсь внутрь, пристёгиваюсь, внимательно наблюдая за тем, как он обходит авто со стороны капота, и садится рядом.

– Так куда мы едем?

– В автотюнинг. Гаражи, короче.

– Далеко?

– Нет, но сначала заедем за Деном.

– Это обязательно? – морщусь.

Жорин – не самая радужная перспектива.

– Ага.

– Жаль, ну ладно, позлить моего любимого начальника лишний раз – не есть ли истинное удовольствие?!

– Язва.

– Слушай, а порулить дашь? Всегда хотела посидеть за рулём.

– С заглохшим движком?

– Что? Нет. Почему... ты издеваешься, – цокаю языком. – Так что? Дашь?

– Я подумаю.

– Как оставлять меня без юбки, так ты долго не думал.

– Я извинился. Ты чего такая возбуждённая сегодня. Енот?

– Какая? – начинаю придурочно хихикать.

Никита оставляет мой вопрос без ответа, да и был ли это вопрос?

Жорина мы забираем из элитной высотки в центре, хорошо устроился, жук.

Он с улыбкой подходит к тачке, а когда он видит меня, его рожу явно перекашивает.

– Изыди, – открывает дверь, перекрещивая меня.

– Идиот.

– А вдруг помогло бы. Чё она тут опять забыла? – уже Нику.

– Падай.

Жорин пожимает плечами и садится назад. Я слышу его вздохи и ощущаю явное желание поиздеваться надо мной.

– Вы мутите, что ли? – с задором так.

– Нет! – слегка повышаю голос, но получается с надрывом, я словно проскрипываю это отрицание.

Краснею, начиная поправлять волосы, касаться пальцами лица, дёргать ткань одежды. Как ему такое в голову вообще пришло?

– А тебе завидно? – уже Никита.

Он, в отличие от меня, полнейшее спокойствие, ему абсолютно пофиг на слова Жорина. Тогда чего я так парюсь?

– Конечно, она вчера так эпатажно в трусах отожгла, ты, кстати, молодец, подарил народу такую усладу для глаз.

Никита сильнее сжимает руль, натягивая улыбку на лицо.

– Смотри, чтоб не вытекли, – включает климат-контроль, поворачивая вправо.

– Понял, принял, – выставляет ладони вперёд, – значит, мутите.

– Не завидуй! – закатываю глаза, наконец-то успокоившись.

– Да чему завидовать? Я как-то не по бешеным енотам.

– Чё ты сказал?

Мне хочется его придушить, ей-богу. Козёл.

– Ди, не обращай на него внимания, – Никита перехватывает мою руку и возвращает на мои колени, – он же специально.

– Фу, какие вы скучные.

– А ты не похож на бизнесмена, шут, однозначно.

– Уволю тебя, и посмотрим, кто из нас шут.

– Только и можешь: уволю, уволю. Новенькое бы что-нибудь придумал.

Шелест молчит всю оставшуюся дорогу, а вот мы с Жориным соревнуемся в слабоумии. По-моему, это явно не конкурс «острее на язык», это полный идиотизм. Припарковавшись за высоким забором, Ник выходит из машины. Перед нами пара гаражей, небольшая парковка, уставленная разноцветными машинками. Вылезаю на улицу, озираясь по сторонам. Жорин дёргает меня за рукав джинсовки.

– Чего?

– Если что, я шутил.

– Да мне пофиг, – закатываю глаза.

Ден хмурится и идёт в одну из открытых дверей в гараже.

– Красивенько, – подхожу к Никите, вытаскивая из кармана сигареты.

Прикуриваю, делая затяжку.

– Вредно, – поворачивается ко мне.

– Ой. Не начинай. Нервы.

– Отговорки.

– Тебе бы мою жи... – обрываю себя, надевая глупую улыбку. – Так что, прокатиться дашь?

– На лексусе?

– А можно на чём-то другом?

– Целый автопарк, выбирай, – проводит рукой по воздуху, указывая в сторону стоящих в ряд разукрашенных машинок.

– А если стукну?

– Пошли уже. Только выкинь эту дрянь, у меня не курят.

– Да без бэ!

Быстренько докуриваю и, затушив окурок ногой, иду к тачке. Я уже пробовала водить, на Серёгином корыте, и у меня вполне неплохо получалось.

Всё же для катаний Никита предоставляет мне свою машину. И чем я думаю, садясь за руль? Явно не головой, во мне столько злости, азарта и отчаяния, что мне просто необходимо

всё это выплеснуть. Нажимаю на газ, и машина плавно катится по дорожке, Шелест спокойно устраивается на соседнем сидении, ему только газеты с чаем не хватает. Выкручиваю руль вправо и, выехав на дорогу, усиливаю нажатие на педаль.

– Полегче, убьёшься.

– Спокойно, малыш, я знаю, что я делаю...

– Не отвлекайся, – опускает стеклоподъёмник.

Я проезжаю круг и возвращаюсь на парковку за высоким забором. Честно, становится легче, морально так точно. Я успокоилась, ну или мне это хотя бы кажется. Заглушив машину, я чувствую скованность, очень неудобно, я стесняюсь. Я стесняюсь! Когда такое было? А ещё я сейчас помру от запаха мужского парфюма, которым пропахло всё в этой машине. Он невероятный. Сжав руль, поворачиваюсь к Шелесту, только сейчас понимая, что всё это время он неотрывно смотрел на меня.

Сглатываю, глупо улыбаясь.

– Ну что? Я готова ездить на болиде?

Никита прищуривается, словно вникает в то, что я сказала, спускается на землю.

– Да. Сходи поешь, тут есть кафе, мне нужно решить ещё парочку вопросов.

С этими словами он выходит на улицу. Тру щёки, смотря на себя в зеркало. Чёрт! Что со мной происходит?

Глава 6

Ник.

Привожу Ди домой, выключаю зажигание и украдкой на неё смотрю. Маленькую, хрупкую...

Ди скукоживается, а я не могу не сказать то, что вертится в голове, о том, насколько она красивая. Енот смущается и быстрее пули вылетает из машины, я смотрю на её убегающий силуэт и не могу понять, когда меня успело так клиннуть. Ещё и на девчонке-школьнице...

– Сука!

Спешно уезжаю оттуда подальше, по пути звоня Дену, мы до утра зависаем у него в баре, я пью. И чем больше я пью, тем больше понимаю, насколько я успел к ней привязаться за это время. В голове навязчивая мысль – я должен помочь. Должен ей помочь. Меня перекашивает от одного только представления о том, как она живет. А жизнь у неё не сахар, совсем. Пока я пью, я думаю о ней, перед глазами её лицо, губы, я её целую. Ещё вчера поймал себя на мысли, что хочу её поцеловать. Хочу и целую, притягиваю к себе, зарываясь пальцами в светлые волосы...

Утром просыпаюсь на какой-то хате, что вчера было, помню смутно. Вижу валяющийся у кровати мобильник и шмотки, переворачиваюсь на бок, накрывая глаза ладонью. Лерка, она здесь откуда? А потом до меня доходит: чёртов поцелуй и мой воспалённый мозг под алкоголем. Сука!

Натягиваю штаны и плетусь на кухню, стакан холодной воды, и дверной хлопок. Быстро спускаюсь на улицу, тачки нет, и это хорошо, значит, мы добрались сюда на такси. Только где это «здесь»? Смотрю карты на телефоне и, выйдя из двора, вызываю такси, еду к себе. Жорин не абонент. Спит, сволочь.

Откидываюсь на подголовник, проклиная очередную пробку. Дома не успеваю залезть в душ, как квартиру сотрясает дверной звонок.

Кто ещё?

На пороге Тея. Злая Тея. Открываю дверь, и она ураганом залетает в прихожую.

– Ты охренел?

– Чего?

– Чего? Ты три раза мне вчера ночью звонил, такси просил вызвать! Такси вызвать!!!

– Да? Не помню, походу, у Дена завёлся палёный вискарь. Проходи на кухню.

– И это всё?

– А что ещё?

– Объясниться не хочешь? Что за пьянки среди недели?

– Немного отдохнули, не всё тебе. Кофе сделаешь?

Тея выдыхает.

– Ладно, – сквозь зубы, – надеюсь, всё вчера было хорошо?

– Нормально, чего приехала-то? Явно не из-за того, что я тебе ночью звонил.

– Скорее из-за того, что пил. Ты и пьянки – вещи в моей голове несовместимые.

– Всё бывает впервые, – ухмыляюсь. – Если я не бухаю при родителях и тебе, не значит, что не пью вообще.

– Ты из-за этой своей пил, что ли?

– При чём тут Енот? – хмурюсь.

– А при чём тут Енот? Я про Леру... стоп, какой ещё енот?

– Не важно. Кофе свари.

Иду в душ, включая воду похолоднее, в голове кавардак. Опять Енот, даже сейчас я вспомнил о ней. Но картинка вырисовывается яснее некуда, я явно вчера перепил, а Лерка подсуежилась. Настроение кого-нибудь тра*нуть было в маниакальной фазе, хотя в моей голове не было слова кого-нибудь. Там лишь определённое имя, которым я, походу, и бредил. Масло в огонь подлили ещё вечером, сначала порванное платье, потом её тело в этом белье. Я просто везунчик, однозначно.

Вытерев голову и надев шорты, выхожу на кухню, сестра что-то хомячит, усевшись на диван.

– Я поняла, какой Енот! Кофе на столе, – тыкает вилкой в сторону чашки.

– Спасибо, молодец.

– Диана, да?

– Что – Диана?

– Не заговаривай мне зубы, совсем дурак, она сопля ещё.

– Спокойно, Карлсон, не шуми моторчиком.

– Блин, ты соображаешь вообще, что творишь? А я-то думаю, зачем он эту малявку на показ притащил, добродетель, блин. Не смей даже, понял?

– Успокойся уже, мамочка. Сама придумала, сама поверила.

– Я за тебя переживаю, Ник, – ставит тарелку на стол, подходя ближе, – пожалуйста, не наломай дров.

– Ага.

Ещё бы постараться воспринимать её как эту самую соплю. Она же старше своих лет выглядит, в жизни не скажешь, что ей... Сколько там? Шестнадцать. Да, кажется, так.

Выпроводив сестру, наконец-то падаю на кровать, глаза всё ещё слипаются, но сон не идёт. В башке куча мыслей. Не выдержав, вскакиваю на ноги и спускаюсь на парковку, выгнав лексус, звоню начальнику отцовской охраны и прошу выяснить, где учится Дианка.

Через час я уже у школы. Обычной, серенькой школы с чёрным высоким забором из металлических прутьев. Порывшись в бардачке, нахожу нал и, убрав в карман джинсов, иду в это кирпичное здание.

В холле куча народа, видимо перемена, замечаю Енота, а дальше начинается цирк. Настоящий, высококвалифицированный театр абсурда. Не сказать, что я злюсь, скорее меня это раздражает, не люблю, когда что-то происходит без моего ведома. Впрочем, пора уже уяснить, что с малявкой по-другому не бывает. Чего только стоила её выходка с дурацкими конфетами.

В кабинете этой суровой на первый взгляд женщины просторно и достаточно приятно находиться. Минимум мебели, светлые обои. Она садится в своё кремовое кресло у окна, поправляет очки и, пошевелив мышкой от компьютера, обращает взгляд ко мне.

– Вы же не родственники? – вздыхает, и её лицо преображается, маска суровости спадает.

– Нет.

– Честно, не хочу выяснять, кто вы. Но раз вас представили братом, я всё же скажу, что у Дианы отвратительное поведение. Это давно перешло все границы.

– Очень легко об этом говорите. А как же помощь? Ответственность? Вы же педагог, разве вам это не знакомо? Может быть, стоит с ней поговорить?

– Она не желает идти на контакт, а её отец игнорирует все наши звонки!

– А другого способа нет?

– Молодой человек, уж точно не вам меня учить, а тем более попрекать в неоказании помощи, – выразительно косится на мои часы.

– Интересный подход.

– Я больше не могу закрывать глаза на её выходки. С таким поведением скоро дойдёт до того, что на педсовете на рассмотрение встанет вопрос о её отчислении из школы.

– Не стоит, я готов пролоббировать этот вопрос. Может быть, школе что-то необходимо? В качестве помощи на добровольных началах.

Женщина барабанит пальцами по столу и, взяв лист, что-то пишет, отложив ручку, подаёт мне бумажку.

Пробегаю глазами по написанному, ну ничего сверхъестественного нет. Какие-то приблуды для классов.

– Хорошо. У меня сегодня ещё дела, извините, – поднимаюсь.

– До свидания, молодой человек!

– До свидания.

Дианка ждёт меня возле двери и сразу накидывается с вопросами. Я и сам не могу сказать, зачем приехал, поэтому говорю первое, что приходит в голову, и отдаю деньги. Она верит в эту маленькую ложь и с большим удовольствием отлынивает от уроков.

Она болтает, но я чувствую фальшь, много фальши в её улыбках и словах, она словно пересиливает себя. Не могу понять почему. Может быть, у неё что-то случилось? Я это выясню, но чуть позже. На Патриарших мы забираем Дена и едем за город к ребятам. Чем больше мы проезжаем, тем больше я понимаю, что идея подкинуть его была отвратительна. Всю дорогу меня дико злит эта беседа между Жорой и Ди, сильнее сжимаю руль, стараясь абстрагироваться.

В парке Ден сразу сваливает, что не может не радовать, не скажу, что я не послал бы его сам, но лучше, если он уйдёт добровольно.

Запах сигарет ударяет в нос, тупая привычка. Никогда не курил и всегда бешусь, когда это делают девки. Енот пререкается и совершенно не собирается выбрасывать эту дрянь, зато проворно бежит к машине.

Мы проезжаем пару кругов, она внимательно смотрит на дорогу и чувствует себя очень уверенно. Пока она водит, иногда высовывая язык, когда старается сконцентрироваться ещё больше, я смотрю на неё, наверное, не моргая. Меня это дико бесит. Возможно, поэтому, стоит нам вернуться, я готов найти тысячи дел и отправить её от себя подальше. Я понимаю, что чувствую влечение, да, это оно. Но чем дольше я с ней нахожусь, тем больше осознаю, что это не чистое либидо. Мне хочется о ней позаботиться, помочь, сберечь. Именно этими потребностями я должен руководствоваться всё оставшееся время до моего отъезда, только ими.

Обсудив с ребятами дельнейшую работу и то, что я готов выкупить проект и вложить денег в развитие, нахожу Енота в кафе, она вяло поедает картофель айдахо, смотря в одну точку. Заметив меня, выпрямляет шею, натягивая улыбку.

– Приятного, – сажусь напротив.

– Спасибо. Картошечки?

– Спасибо, не хочу.

– Ну как хочешь. Что-то случилось?

– С чего ты взяла?

– Ты какой-то нервный.

– Тебе кажется, – беру колу, делая глоток. – А вот у тебя случилось?

Она поднимает глаза, прищуривается, а после начинает смеяться.

– Прости, Шерлок, но ты ошибся, – засовывает в рот кусочек картофеляины.

– О, вы здесь! – Ден с шумом садится рядом с Ди. – Помешал? – хмыкает.

– Очень, кусок в горло теперь не лезет, – отодвигает от себя тарелку.

– Стройнее будешь.

– Я и так огонь.

Ден с улыбочкой скользит по Дианке глазами.

– Пожар, крошка.

– Сам ты, – закатывает глаза, – крошка.

Слушая их разговоры, чувствую, что начинаю закипать, резко поднимаюсь из-за стола, приковывая к себе взгляды.

– Диана, поехали.

– Не приказывай, что мне делать.

– Что?

– То! Да и вообще, ты знаешь, – внимательно смотрит на Жорина, – думаю, я ещё побуду тут. Дениска мне потом такси закажет, да?

Глаза Дена лезут на лоб, пока он смотрит на меня, но стоит ему взглянуть на нее, и он поддакивает.

– Ты уверена? – прищуриваюсь.

– Более чем.

Ладно. Так даже лучше! Выхожу из кафе, доставая из кармана ключи от машины, сажусь за руль во взвинченном, бешеном состоянии. Меня передёргивает от её слов до сих пор, малявка.

Пошло оно всё к черту, педаль в пол – и до свидания.

Отъезжаю метров пятьдесят и торможу. Смотрю в боковое зеркало, наблюдая за воротами тюнинга. Ди не заставляет себя долго ждать, жёлтая машина с шашечками уже паркуется у ворот. Ден выходит за забор вместе с ней, что-то говорит, она смеётся и, похлопав его по плечу, юркает на заднее сидение машины.

Жорин чешет затылок, смотря вслед тачке. Как только машина проезжает мимо меня, еду за ней следом.

Енот решила показать зубы, но не на того напала, однозначно. После такой выходки всыпать бы ей хорошенько по заднице. Мелкая заноза.

В Москве она сразу вылезает у ближайшего метро и спускается в переход. Проводив её глазами, разворачиваюсь и еду в зал. Сейчас самое то – выбить из башки дурь и отвлечься.

На губах расцветает улыбка, она с ним не осталась.

В зале переодеваюсь и шагаю в ринг, неожиданно встречаясь там с отцом.

Он в мокрой майке и уже завершает тренировку.

– Привет, – перекидываю полотенце через плечо.

– Привет, – удар, – поспаррингуемся? – ещё удар.

– Н-е-е-е, с тобой не хочу, я вон с Владом лучше.

Отец смеётся, замахивается, удар, и опускает руку, вытирая лицо перчаткой.

– Ну давай-давай. К нам заедешь?

– Конечно, – надеваю перчатки. – Ты уже поехал?

– Да, вырвался на час. Хорошей тренировки.

– Спасибо.

Принимаю стойку, уходя в защиту. Влад наступает, выбрасывая правую.

– Корпусом лучше работай, – голос отца где-то позади.

Киваю, нанося ответный удар.

Ди.

Стоит мне переступить порог кафе, как за спиной появляется Жорин, вальяжно улыбается и наигранно любезно отодвигает мне стул. Присаживаюсь, пялясь в меню. Денис всё это время прожигает меня глазами. Ещё чуть-чуть, и я развеюсь, как кусок пепла на ветру.

Переворачиваю листы меню и, сделав заказ, откидываю папку на стол.

– Что?

Дениска поправляет часы, блокирует экран телефона, начиная постукивать пальцами по чёрному дисплею. Это раздражает, этот звук. Стискиваю зубы, откидывая волосы назад. В помещении душно, маленькая уютная кафешечка, в которой пахнет выпечкой и кофе. Желудок сводит от голода. Убираю за ухо прядь волос, вытаскивая сигареты из кармана кофты, кручу пачку в ладонях, стараясь не обращать внимания на Жорина. Чего он ко мне приклеился?

– Может, сходим куда-нибудь? Например, завтра? Ты свободна вечером?

Если бы я что-то ела, то непременно бы поперхнулась, от его слов меня распирает на смех.

– Жорин, ты там совсем ку-ку? – кручу пальцем у виска.

– Почему? Это ты ку-ку, – ловит мою руку, прижимая к поверхности стола, – если считаешь, захочешь Ника. У него есть девушка, да и вообще, он скоро улетает, надолго, у него миллионный контракт. Поэтому, если ты на что-то надеешься...

В горле встаёт ком, эти ядовитые фразы бьют каждой буквой, вырываю ладонь, надменно смотря на свои ногти, слегка растопыривая пальцы.

– Денчик, – делая акцент на «ч», – мне кажется, у тебя шизофрения, тебе всё что-то кажется, – закатываю глаза. – Когда мужики уже поймут, что мир не крутится вокруг них, а?

– А вокруг кого ещё?

Он явно уверен, что крут сейчас.

– Это была самая тухлая и бесполезная информация, но раз ты героически мне её преподнёс, так и быть, я поцелую тебя в лоб, – чмокаю свои пальцы и со всей дури впечатываю их ему в лобешник.

Ден хмурится, вскакивая со стула, он хочет на меня наорать, лицо становится багряным.

Наверное, я бы могла услышать о себе многое, но слышу трель телефона, который он сжимает в руке. Посмотрев на экран, Жорин прищуривается и, ответив, идёт к выходу.

Официантка приносит мой заказ, и я с натянутой улыбкой благодарю эту девушку. Закидываю в рот пару долек картошки, ощущая, что на меня смотрят. Поднимаю голову – Шелест. Он сегодня явно без настроения. Ёрзаю на стуле, чувствуя дискомфорт в области живота. Гадский синяк.

Мы говорим ни о чём ровно до момента, пока Дениска не появляется вновь. В моей голове всё ещё вертятся сказанные им слова, поэтому на Никитины выходки в стиле собственника я реагирую резко. Нажимаю на вызов такси через приложение, заранее зная, что ни с кем из них я отсюда не поеду.

Шелест уходит с недовольной миной, а вот Денчик, наоборот, раскатал губу. Поднимаюсь со стула.

– Ты куда?

Сжимаю в руках рюкзак, вопросительно смотря на Жорина.

– Я? Домой. Такси уже подъехало.

– В смысле?

– В прямом, я заказала его сразу, как Шелест свалил.

– Что за игры? – хватает меня за руку.

– Какие игры, Денис? Ты что-то себе придумал, а я виновата, – пожимаю плечами, направляясь за ворота.

– Ты специально это всё? – идёт следом.

– Всё – это что?

– Вот это: Ден мне закажет такси, я с тобой никуда не поеду, не командуй, Шелест!

Он орёт на пол-улицы, а меня пробирает на смех. Боже, куда я попала...

– Э-м-м, – растягиваю губы в улыбке, – не люблю, когда мне говорят, что делать.

Открываю дверь в подъехавшей машине.

– Адъёс амигос, – хлопаю его по плечу и сажусь на заднее сидение. – До ближайшего метро.

Водитель улыбочиво кивает, медленно выезжая на дорогу.

В салоне прижимаю рюкзак к груди, чувствуя пустоту, из меня словно вытянули все жизненные силы. Дурацкий Шелест! Зачем он меня сюда притащил? Ещё и командует, закусываю губу, ещё и уезжает... гад, настоящий гад. Хотя, ну какое мне дело? Пусть валит, куда хочет, не больно и нужен. Тем более у него есть девка, а хорошо устроился. Стоп! А как он устроился? Он ко мне не лез, это я тут из трусов уже выпрыгиваю от счастья, когда он рядом, а ему и пофиг. Маменькин сынок. Всё, закрыли тему. Закрыли.

Смотрю в окно, стараясь отвлечься, мелькающие деревья рябят в глазах, слишком много веточек. Май, кажется, будет тёплым. Судя по тому, как резко подскочила температура на термометре, еще чуть-чуть и можно гонять в футболке. Прикрываю глаза, задаваясь вопросом: и вот куда я еду? Домой? А смысл? На работу... не моя смена. В этом месяце этот гадкий Алексей набрал себе кучу смен, а меня, походу, оставили за бортом. Хорошо, что Шелест привёз деньги, иначе я почти на мели, не считая накоплений. Стоп! Деньги, неужели, он же...

Эмма мне не показалась той, кто будет доплачивать, даже если упустила что-то изначально. Или будет? Хотя какая мне разница, честно, пофиг, совесть моя от этого не дрогнет.

Глава 7

С момента, когда я послала Шелеста, прошло четыре дня. Поначалу мне было плевать на то, что он так резко исчез из моей жизни, как и появился. Потом я ловила себя на мыслях, что вечно о нём думаю, а сегодня... сегодня у меня началась какая-то бешеная ломка. Мне хотелось с ним увидеться, просто поболтать ни о чём. Меня тянуло к нему со страшной силой. Заправив футболку в джинсовую юбку, завязала волосы в высокий хвост и, засунув руки в рукава ветровки, вышла на улицу. Во дворе бегают дети, орут как ненормальные, а я перепрыгиваю через грязь и лужи, появившиеся здесь после дождя. Час, и я на работе, за стойкой, в этой обтягивающей чуть ли не внутренности белой рубашке и длинном, почти в пол, фартуке, прикрывающем легинсы в обтягон. Потуже затягиваю хвост, вытаскивая из бара бутылку мартини. Ночка обещает быть весёлой, ещё только восемь, а народу уже кишит. Пятница. Все валом идут тусить. Наливаю мартини в этот плоский бокал и, кинув туда оливку, подаю смазливой девчонке, то и дело крутящейся на стуле. Она смотрит на меня с раздражением. Сжимаю зубы, подавая трубочку. Никогда не понимала, как некоторые могут потягивать алкоголь с довольным видом, ещё и через трубочку.

Улыбаюсь заученной, можно сказать, вышколенной улыбкой, наш администратор в этом постаралась, и отвлекаюсь на свои дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.